

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Средства речевого воздействия в произведениях Андрея Вознесенского
(к факультативу по русскому языку в школе)

Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:
90,12 % авторского текста
Работа рекоменду к защите
рекомендована/не рекомендована
« 11 » 03 2022 г.
зав. кафедрой русского языка и МОРЯ
д.ф.н. Н.В. Глухих

Выполнила:
Студентка группы ЗФ-615/075-6-1
Ахметжанова Гузелия Галиахматовна
Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Иваненко Галина Сергеевна

Челябинск
2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	6
1.1. Понятие речевого воздействия и его особенности	6
1.2. Средства и приемы речевого воздействия	16
1.3 Система принципов речевого воздействия в тексте	31
Выводы по 1 главе	40
ГЛАВА 2. СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО	42
2.1. Средства речевого воздействия на фонетическом уровне	42
2.2. Средства речевого воздействия на лексико-семантическом уровне .	50
2.3. Средства речевого воздействия на синтаксическом уровне	59
2.4. Анализ средств речевого воздействия в стихотворении «Ты меня на рассвете разбудишь (Сага)»	68
Выводы по 2 главе	73
ГЛАВА 3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА УРОКАХ ПО ФАКУЛЬТАТИВУ	75
Выводы по 3 главе	90
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	91
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	93

ВВЕДЕНИЕ

Мысль о существовании разных языковых средств, которые могут воздействовать на человека, имеет довольно долгую историю. Разные виды молитв, заклинаний, заговоров – это процесс языкового воздействия, но их эффективность до конца не объяснена и часто отрицается наукой. Надежность влияния речевого воздействия на поведение человека закреплена в народной мудрости в виде пословиц и поговорок: «доброе слово лечит, а калечит»; а также в виде афоризмов и крылатых выражений: «злые языки страшнее пистолета» (А. Грибоедов); «слово - полководец человеческой силы» (В. Маяковский). В настоящее время в современном языкознании активно развивается раздел науки об эффективной коммуникации. Этот раздел организован как интегральная наука, которая объединяет, синтезирует усилия представителей целого комплекса смежных дисциплин - традиционной системной лингвистики, коммуникативной лингвистики, стилистики и культуры речи, психологии и др. Этот раздел языкознания называется теорией речевого воздействия. Таким образом, речевое воздействие - новый раздел языкознания, воздействие на индивидуальное или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами. Профессор И.А. Стернин приводит пример того, что контакты будут успешными в 7 случаях из 10, если мы владеем навыками эффективного общения. Речевое воздействие – это неотъемлемая часть общения [48]. Все мы каждый день много раз оказываемся в ситуации, когда вынуждены аргументировать свою точку зрения, что-либо доказывать собеседнику, убеждать его в своей правоте. И оттого, насколько хорошо мы владеем приемами речевого воздействия и представляем сущность стратегий воздействия, зависит и конечный результат общения. Становление науки о речевом воздействии - яркая примета современного развития гуманитарного научного знания, ориентированного на практические потребности общества. Эта наука о

выборе подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта. Изучение приемов эффективного речевого воздействия - важнейшая задача языкознания. В наши дни широкое распространение религиозных, политических течений, партий, применяющих во взаимодействии с людьми различные манипулятивные средства, начиная от гипноза и заканчивая общеизвестными PR-технологиями, сделало изучение языковых механизмов воздействия на человека одним из наиболее важных направлений современных исследований и определило актуальность данной работы. В современном обществе развитие этого научного направления остро необходимо для совершенствования навыков межличностного и делового общения, большего углубления филологического анализа.

Целью исследования является анализ средств речевого воздействия в поэзии Андрея Вознесенского.

Задачами исследования является:

1. Анализ литературы и интернет-источников по проблеме средств речевого воздействия.
2. Составление системы средств речевого воздействия.
3. Анализ средств речевого воздействия: фонетического, лексико-семантического и синтаксического уровня в произведениях указанного автора.
4. Составить комплекс упражнений для изучения выразительных средств языка в поэтических текстах А.Вознесенского, для использования на факультативе по русскому языку.

Объектом исследования являются средства речевого воздействия в поэзии Андрея Вознесенского.

Предметом исследования является языковое выражение средств речевого воздействия в стихотворениях Андрея Вознесенского в ходе уровневого анализа текста.

Актуальность темы дипломной работы обусловлена необходимостью углубления исследования проблем речевого воздействия в художественном дискурсе, а также малой исследовательностью поэзии Вознесенского именно с точки зрения средств речевого воздействия.

К основным методам нашего исследования относятся общенаучные методы наблюдения, анализа и синтеза полученного материала, с дальнейшим применением метода классификации и обобщения относительно средств речевого воздействия в стихотворениях Вознесенского.

Логика исследования обусловила **структуру работы**, состоящую из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. Первая глава посвящена теоретическому обоснованию речевого воздействия как отрасли языкознания. Во второй, практической главе проведен анализ средств речевого воздействия в стихотворениях Андрея Вознесенского. В третьей главе представлено использование материалов исследования в практике преподавания русского языка на уроках по факультативу. В заключении подводятся итоги проведённого исследования.

ГЛАВА 1. РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

1.1. Понятие речевого воздействия и его особенности

В России первые исследования эффективного речевого общения появились в начале XVII века. Это были переводы произведений, написанных в Европе. Это позволяет говорить об общих истоках европейской и русской традиций искусства речевого воздействия. Первым источником в этой области является перевод учебника немецкого гуманиста Филиппа Меланхтона (1497-1560), который якобы был сделан митрополитом Макарием в начале XVII века. В этой книге дается представление о риторике, ее частях, видах и оформлении речи. Значительный вклад в развитие теории и методики речевого воздействия в России сделал М.В. Ломоносов. Он создал в 1748 г. «Краткое руководство к красноречию». Риторика М.В. Ломоносова состоит из трех частей: «Об изобретении», «Об украшении», «О расположении». М.В. Ломоносов определяет риторику как науку о письменной и устной речи на государственные, общественные и религиозно-философские темы и выделяет собственно риторику, то есть учение о красноречии вообще; ораторию, то есть наставление к сочинению речей в прозе; и поэзию – наставление к сочинению поэтических произведений. В XIX веке расцвет искусства воздействия с помощью речи связан с судебной реформой 1860-х годов. Развивается судебное красноречие. Наряду с этим, в университетах России во второй половине XIX века развивается академическое красноречие. В написанной русским поэтом и переводчиком А.Ф. Мерзляковым «Краткой риторике, или Правилах, относящихся ко всем родам сочинений прозаических» называются следующие цели оратора: научение, убеждение и искусство тронуть слушателя. Эти цели в определенной степени соотносятся с современной

классификацией видов речевого воздействия в зависимости от их товаров интенции, что подтверждает связь теории речевого воздействия и риторического искусства.

Наука о речевом воздействии трехчастна. Она делится на историю науки, теорию науки, практическую часть, связанную с обучением речевому воздействию.

Базовыми дисциплинами для формирования нового научного направления о влиянии речи являются психолингвистика и риторика. Риторика была необходима в древних демократиях как средство общения между равными. Античная риторика основывалась прежде всего системе на логике, правилах логического рассуждения и убеждения, а также содержала рекомендации по технике речи. В средние века логическая риторика стала считаться схоластической наукой и практически исчезла.

В XX веке оно было возрождено на новой, психологической основе - для современного человека важна не только логика, но и психологические, эмоциональные методы убеждения. Первым, кто уловил, практически развил это направление и поставил его на методологическую основу, был американец Д. Карнеги в начале 20 века. Дейл Карнеги первым систематически описал некоторые наиболее важные правила и приемы эффективного общения и начал преподавать эти приемы в публичной речи и деловом общении. Современная наука о влиянии речи фактически возникла из его идей, хотя и развивалась тогда представителями целого ряда наук. Дейл Карнеги, великий практик и теоретик, открыл свою первую школу, где преподавал общение, в 1912 году. В начале 20 века оживление политической жизни привело к развитию политического ораторского искусства. Пик теоретического интереса к искусству языкового воздействия пришелся на 1920-е годы. В 1918 г. в Петербурге был создан «Институт живого слова», у истоков которого стояли такие известные ученые и общественные деятели, как В.Е. Мейерхольд, А.В.

Луначарский, Л.В. Щерба, Н.А. Энгельгардт, Б.М. Эйхенбаум, Л.П. Якубинский. На базе этого института было начато развитие теории красноречия, теории спора и теории литературы, осуществляемое в трех аспектах: научном, учебном и просветительском. Однако в начале 1930-х годов институт прекратил свое существование в связи с усилением советской власти, при которой риторика и родственные дисциплины не изучались как учебный предмет или как научная дисциплина. Само слово «риторика» в текстах официальной пропаганды стало синонимом демагогии, пустой и лживой речи, где содержание резко противоречило форме. Забота о форме текстового произведения часто объявлялась избыточной, отвлекающей, а в красивом и глубокомысленном выражении подозревалась в сокрытии враждебного содержания в конфликте аргументации с советской идеологией. Однако, несмотря на негативное отношение к риторике как понятию, воздействие через речь приобрело новый смысл как инструмент пропаганды и агитации.

В послевоенное время одной из наиболее ярких личностей, чьи работы связаны с теорией влияния с помощью речи, можно считать М.М. Бахтина, для трудов которого характерна яркая социологическая направленность. В своих исследованиях он разработал актуальную и в настоящее время теорию речевых жанров, позволившую связать речевую и социальную реальность, а также уделял большое внимание диалогичности как универсальной характеристике. Согласно подходу М.М. Бахтина, диалогические отношения есть отношения смысловые. Ученый также отмечает разницу между так называемым «реальным диалогом», в котором происходит обмен репликами небольшого объема, в течение краткого отрезка времени, и потенциальными диалогическими отношениями, присущими любому высказыванию, обладающему смысловой законченностью [7]. Именно данный вид диалогичности воздействуют ярко проявляется в исследуемом нами художественном дискурсе. Следует

отметить объективные причины развития теории речевого воздействия, появившиеся в последние десятилетия. Дальнейшее развитие речевого воздействия связано во второй половине XX века с интенсивным развитием коммуникативной лингвистики, формированием антропоцентрической парадигмы в языкознании, интенсивным развитием психолингвистики и т.п.

Демократизация общественной жизни в конце 1980-х – начале 1990-х годов значительно изменила условия публичного общения. Потребности формировавшегося в то время нового общества укрепили интерес к проблемам эффективности речевого воздействия. Как указывает профессор И.А. Стернин, среди причин, которые мотивировали внимание к проблеме речевого воздействия в XX веке, можно выделить, во-первых, социально-политические – развитие свободы, демократии, появление идеи свободы личности. К экономическим причинам, способствовавшим развитию теории и практики речевого воздействия, относятся конкуренция, кризисы перепроизводства, которые породили необходимость в науке о рекламе, «навязывании» товара, привлечении покупателей [48]. Кроме того, XX век изменил отношение человека к трудовой деятельности. Люди начали больше ценить интересную работу, что ставит перед менеджерами и руководителями задачу умело организовать мотивацию подчиненных к труду, стимулировать их и убеждать. Развитие культуры, литературы, искусства, а также возникновение научной психологии привели к изменению концепции человека в обществе. Человек стал рассматриваться как личность, как индивидуальность, требующая дифференцированного подхода – эти факторы могут быть отнесены к психологическим предпосылкам активного исследования феномена речевого воздействия [48]. Ученый также отмечает, что «есть и чисто коммуникативные причины возникновения развития науки о речевом воздействии в XX веке, то есть причины, связанные с развитием самого человеческого общения,

поскольку для нашего времени характерно резкое расширение сфер общения» [48]. В XXI веке данные тенденции не теряют своей актуальности, поэтому проблема изучения речевого воздействия является чрезвычайно значимой для современной лингвистики. С современной точки зрения речевое воздействие представляет собой сложный психолингвистический процесс, который имеет значительный исследовательский интерес в теоретическом и практическом аспектах. Изучение данного феномена играет важную роль для большого числа разнообразных видов человеческой деятельности, в связи с чем на современном этапе теория речевого воздействия формируется как особое междисциплинарное направление научного поиска. Данная область базируется на теоретических и методологических основах, которые накоплены лингвистикой. Она представлена такими научными отраслями, как традиционная и когнитивная лингвистика, коммуникативная стилистика и прикладная компьютерная лингвистика, а также прагмалингвистикой, психологией и психолингвистикой, герменевтикой, теорией массовых коммуникаций, социологией, культурологией и рядом других наук. Все вышеперечисленные направления оперируют понятием воздействия, однако подход к изучению и трактовке данного термина в разных науках неодинаков, что способствует многостороннему анализу явления. Прагматика и прагмалингвистика концентрируют свое внимание на адресанте и изучают механизмы и методы достижения коммуникативной цели адресанта при речевой коммуникации. Когнитивная лингвистика, наоборот, фокусирует свои исследования на позиции адресата сообщения, анализируя речевое воздействие как сложную систему обмена информацией, а также рассматривает широкий круг проблем, связанных с речевым воздействием – декодирование, хранение и переработку информации адресатом, включая изменение ментальных процессов с помощью речи. Герменевтика и стилистика

большое внимание уделяют самому тексту как связующему звену между адресантом и адресатом. Специфика теории речевого воздействия как особого научного направления состоит в разработке системной парадигмы изучаемого феномена, которая бы объединила подходы смежных отраслей знания и интегрировала ракурсы адресанта, адресата и текста в явлении речевого воздействия. В отечественной лингвистике наиболее глубокую разработку теории речевого воздействия получила в работах А.А. Леонтьева [34], Е.Ф. Тарасова [49], Т.М. Дридзе [19], Н.Д. Арутюновой [2], А.Н. Баранова [5], О.С. Иссерс [27], Е.В. Падучевой [40], П.Б. Паршина [41], И.А. Стернина [48], А.М. Шахнарвича [50], Л.Г. Бабенко [3], Н.И. Жинкина [22], М.Р. Желтухиной [20], А.А. Котова [31] и ряда других исследователей. Ученые обращаются в своих работах к описанию чрезвычайно обширного круга проблем, связанных с речевым воздействием. Сюда входит разработка и описание лингвистической метамоделей речевого воздействия, а также особое внимание уделяется изучению природы и механизмов данного феномена. Большой интерес в настоящее время представляет анализ тех речевых средств и функций языка, которые могут быть использованы адресантом для достижения своей коммуникативной цели при эффективном речевом воздействии. Речевое воздействие получило статус научного понятия в начале 1970-х годов, когда данный вопрос был обозначен в сборнике «Речевое воздействие: Проблемы прикладной психолингвистики», выпущенном группой психолингвистов под руководством А.А. Леонтьева при институте языкознания АН СССР. С момента появления теории речевого воздействия как особого научного направления и до середины 1980-х годов изучение влияния с помощью речи проводилось преимущественно в традициях коммерческой лингвистики. Предметом исследования служили произведения художественного стиля.

Для первоначального описания речевого воздействия важным понятием является установление речевой деятельности, обозначенной А.А. Леонтьевым как «выражение стоящего за речью мыслительного содержания, с учетом всех объективных и субъективных факторов, определяющих поведение носителей языка, во всей полноте обуславливающих связей и отношений субъекта к действительности» [34]. Согласно рассуждениям А.А. Леонтьева, речевое воздействие представляет собой речевое действие, направленное на объект и обладающее иллокутивной силой, где под иллокутивной силой понимается функция высказывания, а также способ достижения коммуникативной цели отправителя сообщения. В качестве объективных факторов можно рассматривать экстралингвистическую реальность и внешние условия коммуникации, а к субъективным, помимо разделения лингвистических факторов, относится взаимодействие картин мира адресанта и реципиента. На данный момент для определения понятия речевого воздействия нами может быть выделено три основополагающих фактора. Во-первых, это принятая большинством исследователей традиция толковать речевое воздействие в узком и широком смыслах. Е.Ф. Тарасов в своем исследовании, посвященном проблемам речевого воздействия, обращается к определению данного понятия и трактует его как «передачу информации в форме комплекса сигналов, несущих сообщение о чем-либо и ориентирующих воспринимающую систему относительно смысла этих сигналов» [49]. Он также отмечает, что под речевым воздействием понимается «регуляция деятельности одного человека другим при помощи речи», конечной целью которого служит управление деятельностью собеседника [49]. Такое понимание термина отождествляет речевое воздействие со всеми видами целенаправленного речевого общения вообще, однако обосновано тем, что «нейтральное» общение, освобожденное от воздействия на партнера по коммуникации, невозможно

[49]. Если же трактовать речевое воздействие в более узком смысле, то оно будет представлять из себя речевое общение с агитационными целями – в средствах массовой информации или перед аудиторией. На узкое и широкое также разделяется определение речевого воздействия в понимании П.Б. Паршина, который рассматривает данный термин в широком смысле как воздействие на индивидуальное или общественное сознание с помощью разнообразных речевых средств естественного языка [41]. В случае письменной коммуникации к средствам речевого воздействия также относятся характеристики графической организации текстового сообщения. В узком смысле речевое воздействие понимается П.Б. Паршиным как конструирование сообщений, отличающихся повышенным потенциалом воздействия на сознание и поведение реципиента.[41] Данные характеристики текста, по сути, –это средства, которые помогают преодолеть «защитный барьер» адресата сообщения, а эффективность системы данных средств —это объект изучения теории речевого воздействия.

П.Б. Паршин также обращается к описанию предпосылок речевого воздействия, выделяя среди них: психологические, когнитивные, логические, социологические, коммуникативно-семиотические и структурно-семиотические. Психологические предпосылки предполагают, что оценка информации, получаемой адресатом, напрямую зависит не только от намерения автора сообщения, но и от психологических характеристик личности реципиента. [41]

Таким образом, данные предпосылки функционируют как в перспективе отправителя сообщения, так и реципиента. Социологические предпосылки связаны с психологическими и подразумевают ориентацию на те элементы картины мира, которые отражают качества реципиента как участника определенной социальной группы. Они также направлены на окружающую действительность, отраженную в сознании участников

коммуникации. Когнитивные и коммуникативно-семиотические предпосылки подразумевают намеренную ориентацию адресанта сообщения на определенную модель мира реципиента сообщения. Наличие данного вида предпосылок подтверждает, что любое речевое общение несет в себе элементы воздействия, а также соотносят текстовое произведение с целевой аудиторией. Логические предпосылки определяют понимание языковых высказываний. Нарушение логики, в том числе и преднамеренное, в большинстве случаев приводит к ошибочным выводам, что может быть как случайным, так и интенциональным фактором воздействия. Структурно-семиотические предпосылки отражают возможные различия в семиотических системах адресанта и реципиента.

Иное разграничение речевого воздействия на широкое и узкое можно найти в теории В.Ф. Петренко. Согласно исследователю, речевое воздействие следует рассматривать во взаимосвязи с перестройкой сознания адресата. В широком смысле, речевое воздействие ведет к перестройке картины мира и реконструкции определенных категорий в сознании реципиента: представления об идеальном, этические мерки, нравственные и религиозные образы, а в узком — направлено только на верификацию коннотативного значения объекта и изменения эмоционального настроения адресата. И.А. Стернин [48] рассматривает понятие речевого воздействия в аспекте его целенаправленности, выделяя фатические, предметные и информационные цели речевого воздействия. В случае фатически направленной коммуникации воздействие нацелено на инициирование, восстановление и поддержание контакта. Информационные цели заключаются в получении или передаче информации, причем критерием эффективности здесь служит то, насколько хорошо реципиент понял адресанта. Предметные цели представляют собой внелингвистическую цель коммуникации, либо стремление к коммуникативному равновесию, которое понимается как

бесконфликтное сохранение баланса отношений с собеседником. По И.А. Стернину, речевое воздействие в узком смысле всегда обусловлено предметными целями, а также включает в себя воздействие на эмоции.

Поскольку в нашей работе исследуются письменные источники, то важно подчеркнуть, что письменный текст с позиций коммуникативного подхода рассматривается в теории речевого воздействия как своего рода диалог читателя с автором, а также как «процесс взаимодействия читателя с самим текстом» [49]. Изучая речевое воздействие как процесс в аспекте понимания письменного текста, мы совокупность последовательных действий, включающих прочтение и понимание текста. Результатом речевого воздействия будут выступать, те выводы, к которым приходит читатель, располагая предоставлением как «продуктом проявления целенаправленной речемыслительной деятельности автора» [49]. Обобщая вышеизложенные подходы к терминологическому наполнению понятия речевого воздействия, можно представить следующее определение. Речевое воздействие как феномен представляет собой взаимосвязь культурного, социального, лингвистического и психологического компонентов, при этом суть данного феномена состоит в преодолении защитного барьера адресата в процессе речевого взаимодействия в устной или письменной форме, осуществляемого с помощью специально отобранных лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических средств. Данное воздействие всегда обусловлено особыми предметными целями адресанта и направлено на ценностные, эмоциональные и логические структуры картины мира реципиента. Цель речевого воздействия – это перестройка определенных элементов мировоззрения адресата, модификация его иерархии ценностей, формирование мотивов к экстралингвистической деятельности, а также изменения поведения и эмоционального фона.

1.2. Средства и приемы речевого воздействия

В.И. Карасик считает, что информативное восприятие текста связано с индивидуальным тезаурусом (системой знаний личности), а речевое воздействие проявляется как эмоциональное переживание, «эмпатическое слияние с текстом», осознание его личностной значимости, при этом каждое последующее обращение к тексту способствует возрастанию его ценности для личности. Исследователь подтверждает, что информация воспринимается, только если читатель находит для себя в данном тексте речевое воздействие, при этом возможно возникновение нового витка речевого воздействия: к аттрактивности текста добавляется индуцированное речевое воздействие, возникающее в сознании читателя. Другими словами, можно утверждать, что при определенном уровне мотивации и заинтересованности у слушателя информации возникает отклик в виде развития содержания общения. Этот этап связан с творческим участием читателя в осмыслении информации. К примеру, если речь идет об образовательном дискурсе, то читатель из ученика превращается в соавтора или сотворца, раскрывается его креативный потенциал. В.И. Тюпа определил характеристики базовых коммуникативных стратегий. Высший, наиболее развитый и совершенный тип дискурса отличает инспиративность поведения как реальность, которая может «вызвать к жизни» другую реальность. Это значит, что читатель, побуждается к соавторству, «участию в совместном коммуникативном проекте». Этот этап автор назвал этапом «Диалогического согласия».

В процессе коммуникации, как пишет О.К. Тихомиров, всегда возникает цель установления и поддержания контакта (реализуется фатическая функция коммуникации). Сопряженная с этой функцией – информационная – реализуется в случае усиленной, адекватной, эффективной коммуникации. Следовательно, необходимо подготовить

слушателя к восприятию сообщений. О.К. Тихомиров называет речевоздействующие сигналы «уступками интересам слушателя». В книге исследователя «Психология мышления» цель речевого воздействия определена в рамках процесса коммуникации и заключается в том, чтобы «подготовить слушателя к восприятию и пониманию речи», служит для поддержания контакта с партнером в процессе реализации фатической функции речи.

Т.С. Дроняева в труде «Публичность и информативность в современном обществе» определяет речевое воздействие как средство, позволяющее осуществить выход на интересы слушающего: «Нейтрализовать помехи в мозгу приемника информации призваны речевоздействующие сигналы».

Кроме того, проведенное исследование дает возможность вписать анализируемые тексты в существующую в современной лингвистике иерархию институциональных типов дискурса. Как определяет В.И. Карасик, институциональный дискурс – это социальное общение в рамках сложившихся общественных институтов, и основными типами здесь выступают политический, экономический, религиозный, научный, массмедийный и литературно-художественный дискурсы [28, С. 43]. Благодаря своей тематике, исследуемые тексты могут быть отнесены к литературно-художественному типу дискурса, однако подобная классификация слишком общая и требует уточнения. Речевоздействующая коммуникация ведется «для получения удовольствия в общении» и способствует наращиванию информации. В этом случае, что следует подчеркнуть особо, приоритетными в общении являются не обстоятельства, а текст.

На наш взгляд, информация и речевое воздействие представляют собой единство в процессе коммуникации. В этом отношении мы

солидарны с В.М. Соковниным, который говорит об информационно-речевом воздействии в коммуникации.

На наш взгляд, информация и речевое воздействие представляют собой единство в процессе коммуникации. В этом отношении мы солидарны с В.М. Соковниным, который говорит об информационно-речевом воздействии в коммуникации [46].

Остановимся на последнем подробнее. По Ю.Н. Караулову, языковая личность складывается из вербально-семантического, лингвокогнитивного и мотивационного уровней. Личностная адресация необходимой слушателю информации развивает мотивацию: чем более слушатель осознает, что информация необходима для него, тем более он заинтересован в ней. Содержательная и познавательная информация, что очевидно, стимулирует процесс восприятия ее личностью. При этом восприятии сообщение происходит в процессе диалога читателя с самим собой, что стимулирует творческий потенциал личности, так как эффективное восприятие знания сопряжено с развитием внутренней речи, создание высказываний, текстопорождающей деятельностью. Это, в свою очередь, изменяет тезаурус личности. В исследования В.Б.Кашкина рассматривается понятие коммуникативной личности, под которой он понимает «совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессе коммуникации...». Определяющими параметрами для коммуникативной личности являются мотивационный, когнитивный, функциональный. В процессе внедрения речевого воздействия в коммуникацию изменяется мотивация читателя, интенсифицируется процесс познания, развивается творческая активность личности в коммуникации. Обобщая вышесказанное, можно сказать, что речевое воздействие, делающее информацию значимой, актуальной,

служит развитием мотива создания творческих высказываний, что, свою очередь, способствует развитию коммуникативной личности.

Таким образом, в процессе восприятия произведения можно определить основные функции речевого воздействия как коммуникативного процесса:

1. Эмотивно-мотивационная функция (воздействие на эмоциональное восприятие произведения читателем). Речевое воздействие обеспечивает эмоциональное восприятие информации читателем, создает мотивацию к активному освоению информации.

2. Апеллятивная (или конативная) функция (направленность на улучшение восприятия информации). Речевое воздействие является средством, позволяющим сделать информацию лично-значимой для читателя.

3. Информационно-активирующая функция. Речевое воздействие интенсифицирует процесс включения читателя в восприятие текста, активирует его внимание, развивает мотив к получению новой информации и созданию высказываний.

4. Экспрессивно-эмоциональная функция. Речевое воздействие обеспечивает эмоциональность формы подачи информации, реализуясь в специальных средствах и приемах.

Практически значимая задача исследования – выявить средства, помогающие восприятию информации слушателем. Совокупность этих средств представляет собой речевое воздействие.

В случае изучения любого типа и вида речевого воздействия с лингвистической точки зрения существует возможность уровневого анализа данного явления. Описание средств в соответствии с определенным уровнем позволяет подвергнуть рассмотрению именно лингвистическую составляющую этого феномена. Данный подход классифицирует средства речевого воздействия согласно их

иерархическому положению в системе языка, хотя следует помнить о том, что языковые единицы тесно взаимосвязаны с друг с другом.

Проанализировав труды таких ученых, как Б.Ф. Поршнев, П.Б. Паршин, И.А. Стернин, А.Р. Лурия и А.П. Журавлев, можно представить следующий комплекс уровней речевого воздействия: фонетический, лексико-семантический, морфологический, синтаксический. Рассмотрим подробнее содержание данных уровней.

На фонетическом уровне главным фактором влияния на читателя является фонетическая наполненность того или иного текста. Фонетическая наполненность текста образуется посредством ассоциативной составляющей звуков и передающих их букв. Как считает А.П. Журавлев, «носителем фонетического значения является звуко-буквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы» [24]. Тексты, нацеленные на воздействие, всегда будут содержать слова с большой концентрацией одинаковых звуков, направленных на создание того или иного коммуникативно-прагматического эффекта. Характерно, что даже при прочтении текста про себя происходит скрытая вербализация, сопровождающая процесс мышления, и человеческое сознание испытывает влияние фонетического наполнения текста. На лексико-семантическом уровне главным средством выступают лексические единицы. В силу разнообразия лексической семантики выбор слов оказывается универсальным инструментом, с помощью которого осуществляются самые разные виды воздействия. Несмотря на то, что воздействующим потенциалом в зависимости от контекста и интенций автора может обладать любая лексическая единица, особое значение в аспекте воздействия имеют многочисленные образные лексические средства и стилистические фигуры. К ним относятся идиомы,

фразеологические единицы, метафоры, сравнения, ирония, гипербола, лексические повторы и другие тропы.

Под синтаксическим уровнем понимается связь между грамматическим составом воздействующей речи и установкой автора и читателя. Приемами речевого воздействия являются вневременные факторы, чередование каналов восприятия, дипластия. Дипластия – это свойство сознания; оно проявляется в попытке «осмыслить бессмысленное», человеческое сознание стремится разгадать загадку. Языковые явления, в основе которых лежит амбивалентность, парадоксальность, трансформация смысла (метафора, оксюморон, катахреза), являются воздействующими средствами.

Безусловно, основополагающими для исследования являются труды И.Ю. Черепановой. К речевым средствам воздействия автор относит перечисления, антонимию, метафоризацию, каламбур, расширение границ слова, тавтологические высказывания, парадоксы. Объемными средствами речевого воздействия являются: ритмизация, выраженная в повторяемости, недоговоренность, прецедентность, смешение стилей, обуславливающее смену каналов восприятия, апеллятивность, диалогичность. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Особым средством речевого воздействия является ритмизация. О ритмизации как первейшем, основанном на нейрофизиологических механизмах восприятия речевоздействующем явлении говорил Ю.В. Кнорозов, (напрямую соединив речевое воздействие и ритмизацию) Р. Потапова отождествляет ритмизацию с повторяемостью и чередованием речевых явлений, она связана со смыслом текстовой информации и проявляется на стадии перехода от интенционального уровня к вербализации. Ритм, по ее мнению, связан и с планом содержания, и с планом выражения. Важными в области ритмизации являются исследования В.В. Налимова. Он, в частности, отмечает, что повторы,

паузы, смещение ударений могут характеризовать идиостиль. Ритм является составляющей языка, посредством которой бессознательное (интенционально заложенное) осознается. Ритмизация выражается на уровне языковых единиц – звуков, звукосочетаний; представлена в аллитерации и ассонансе; имеет морфолого-грамматическое выражение, лексико-семантические особенности. Синонимы, антонимы, анафора, эпифора также служат ритмизации. В. Налимов определил функцию ритма как «попытку положить континуальную составляющую на дискретные носители речи».

Это подтверждают исследования В.М. Соковнина. Ритм и повторяемость резонируют в человеческое подсознание. В речевом плане синонимия, ряды однородных членов связаны с реализацией функции ритмизации, формирующей стойкое желание еще и еще раз обратиться к информации [46].

Вопрос о ритмически организованных конструкциях в рамках исследуемых явлений требует пояснения. Под ритмом понимается закономерное чередование или повторение каких-либо элементов и основанная на нем соразмерность; это свойство динамической речи. Именно ритм создает особую энергетику текста, влияющую на слушателя. Ритмическая организация текста рассматривается как воздействующий прием В.Е. Рожновым, В.В. Налимовым, С.В. Болтаевой (в последней работе исследуется уровень фонетики и лексики) Ритмизация не просто привлекает, она влияет на смысловосприятие; при этом, как известно, большая повторяемость приводит к еще большему «затуманиванию» смысла. Об этом образно писал М.М. Бахтин: «В ритме я, как в наркозе, не сознаю себя. Ритмом я могу быть только одержим». К ритмически организованным в рамках высказывания словосочетаниям можно отнести прием звукосочетаний, аллитерацию, ассонанс, повторения (фонетические лексические), параллельные синтаксические конструкции, анафоры,

эпифоры, что позволяет причислить ритмизацию к полноценным приемам и явлениям речевого воздействия. В.М. Соковнин определил такие средства речевого воздействия как метафоризация, цитация, использование парадокса, притчи, комплимента, юмора [46].

Особо стоит остановиться на таком явлении, как прецедентные тексты, персонажи и другие культурно-ментальные феномены. Они представляют собой стихийно или сознательно отобранные тексты, которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной речевой культуре. О значимости прецедентных явлений в коммуникации говорит М.С. Рыжков. Эти средства включаются в речевое воздействие и имеют соответственно прагматический характер. Экспрессивность, образность, наглядность, эмоциональная выразительность – все это оптимизирует восприятие информации. На языковом уровне есть множество способов сделать информацию особо привлекательной: на фонологическом уровне – особый способ артикуляции, когда звучат согласные, выделение слов – на уровне лексики, повторы, на синтаксическом уровне – инверсия, анафора, эпифора, парцелляция.

А.Е. Войскунский, проводя многочисленные эксперименты, доказал, что некоторые риторические приемы – ссылки на авторитет, риторические восклицания, ввод новых персоналий, разрушение стереотипов сознания слушателя – привлекают внимание к говорящему, вызывают особую реакцию слушателя, которая от пассивной становится активно заинтересованной. Реакция слушателя имеет принципиальное значение, ибо является резонансом на применение речевоздействующих средств. Последние имеют свойство преодолеть нежелание читателя принимать информацию и в определенном смысле «стирают» неподготовленность слушателя к усвоению информации. В конечном счете, речевое воздействие служит установлению коммуникативного контакта и интенсификации восприятия текста читателем.

Термин «прецедентность» и образованные от него производные широко применяются в современной лингвистической литературе. Согласно определению, предложенному в «Словаре русского языка», прецедент (от англ. precedent – предыдущий, предшествующий) представляет собой «случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода». Впервые в отношении текстов термин «прецедент» («прецедентный текст») был использован Ю. Н. Карауловым, который определял данные феномены как тексты: « 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные к широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». По мнению Ю. Н. Караулова, прецедентные тексты являются «хрестоматийными», так как любой говорящий на данном языке знает их содержание. Знание прецедентных текстов указывает на включенность индивида в сферу действия современной культуры, незнание, в свою очередь, является сигналом положения индивида вне данной исторической эпохи и ее культуры или недостаточной вовлеченности в нее. В дальнейшем произошло уточнение и развитие терминологии. К прецедентным феноменам относят стихотворные и прозаические цитаты из литературных произведений, названия художественных и музыкальных произведений, фразы из кинофильмов и песен, лозунги и слоганы рекламы, анекдоты и библейские выражения, имена литературных героев, исторических личностей, политических деятелей и т. д. Состав прецедентных феноменов может изменяться: одни прецедентные тексты или имена выходят из широкого употребления, забываются и перестают быть прецедентными, другие тексты, наоборот, становятся прецедентными на более или менее длительный срок. Истолкователь идеи М. М. Бахтина и

ученица Р. Барта - Юлия Кристева является основоположником теории интертекстуальности, гено - и фенотекста, создателем концепции, согласно которой, любой текст становился интертекстом. Причем интертекстуальность, на ее взгляд, распространяется не только на литературные тексты, но и на все остальные системы знаков.

Вышеизложенную идею М. М. Бахтина, Ю. Кристева сводит к тому, что: «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст - это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста». Иными словами, литературный текст всегда включен в иные тексты. Каждый автор, создавая литературное произведение, находится в окружении литературных текстов, в которых отражена жизнь общества и опыт предыдущих авторов. Таким образом, в написанном произведении всегда отражены все тексты, находящиеся в сфере чтения данного писателя. Впоследствии, Ролан Барт дал определение интертексту и интертекстуальности, которое сейчас принято считать каноническим: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат». Как текст рассматривается не только литература, но и общество, история, культура и сам человек. Это приводит к восприятию человеческой культуры как «интертекста», который, в свою очередь, служит претекстом любого вновь появляющегося текста.

При понимании литературного слова читатель соотносит его своим тезаурусом, то есть с накопленными им знаниями и лексическим словарем. В связи с этим, интертекстуальность предполагает читателя активного, который должен не только распознать наличие интертекстуальных отсылок в произведении, но и идентифицировав их, дать им истолкование. Чтобы текст не остался непонятым или понятым поверхностно, читатель

должен быть высоко эрудированным и уметь найти необходимую закодированную писателем информацию.

Как уже упоминалось ранее, прецедентные тексты не имеют строгих формальных параметров, иными словами, прецедентный текст может вводиться в художественное произведение как целиком, так и в сжатом виде. Прецедентный текст может быть представлен (1) одним словом, (2) цитатой, (3) целым отрывком и (4) ситуацией. При помощи заглавия, имени персонажа, имени автора или цитаты, автор старается вызвать ассоциацию со всем прецедентным текстом, который использует как источник сходных эмоциональных переживаний и ситуаций, как образец подражания, или антиобразец. Указанные четыре способа ввода прецедентных текстов играют роль символов-ярлыков, намеков, а сами тексты при этом могут выполнять следующие функции: от номинативной, с помощью которой развивается мысль или аргументация героя до повторения и метафоризации основного конфликта прецедентного текста. К прецедентным текстам относятся тексты художественных произведений. К прецедентным текстам зачастую относятся публицистические тексты, реклама, пословицы, поговорки, тексты песен. Со временем многие тексты теряют статус прецедентных текстов, так как проходят времена, меняются поколения читателей и интересы членов лингвокультурного сообщества. Появляется множество новых прецедентных текстов, основанных на произошедших в обществе изменениях, на новых исторических и культурных событиях. Тексты и ситуации, которые являлись прецедентными, более не являются таковыми, так как утратили свою актуальность. Таким образом, прецедентные тексты вводятся в литературу при помощи высказываний, цитат, имен, названий произведений. Далее мы рассмотрим явление «прецедентного имени», «прецедентного высказывания» и «прецедентной ситуации», так как прецедентный текст актуализируется с их помощью, и рассмотрение феномена прецедентного

текста невозможно без анализа других прецедентных феноменов. Прецедентными именами являются имена из широко известных текстов, относящихся, как правило, к числу прецедентных, или же имена, широко известные носителям языка и выступающие как прецедентные. Прецедентное имя выступает именем-символом, указывающим на некоторую эталонную совокупность определенных качеств. Следовательно, прецедентное имя может выполнять экспрессивную, символическую и коннотативную функции. Каждое прецедентное имя обладает совокупностью отличительных или дифференциальных признаков. В. В. Красных отмечает, что эти признаки составляют определенную систему. Прежде всего, таким дифференциальным признаком прецедентного имени является характеристика по внешности описываемого лица, (или же внешнему описанию предмета) а также по внутренним характеристикам. Так, называя кого-то Золушкой, мы имеем в виду внутренние качества человека: трудолюбие, доброту. Также, прецедентное имя может указывать на роль, выполняемую человеком в обществе.

Прецедентное имя может представлять собой конструкцию, состоящую из одного или более элементов. В. В. Красных, отмечает, что именно сложность структуры прецедентного имени определяет особенности функционирования прецедентных имен в речи. Во-первых, оно может именовать предмет и непосредственно указывать на денотат. В таком случае определяющие признаки данного имени не имеют особого значения и не учитываются. Во-вторых, прецедентное имя может указывать на набор каких-либо признаков, значимых для определенного персонажа или же произведения в целом. Прецедентному имени свойственно прямое и косвенное употребление. То есть, прецедентное имя может быть использовано на уровне его атрибутов. Атрибутами прецедентного имени являются, согласно В. В. Красных, элементы

внешности, черты лица, одежда того или иного субъекта. Через набор его дифференциальных признаков происходит актуализация прецедентного имени. Актуализация прецедентного имени может осуществляться и с помощью введения определенной ситуации связанной с этим именем. Прецедентная ситуация. Д. Б. Гудков определяет прецедентную ситуацию следующим образом: «прецедентная ситуация - некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями, в когнитивную базу входит набор дифференциальных признаков прецедентной ситуации». Остановимся подробнее на интерпретации данного определения. Примером «идеальной» ситуации, которая впоследствии стала прецедентной ситуацией, является предательство Иудой Христа, которое понимается как «эталон» предательства вообще. Любое предательство принято воспринимать, как вариант этого «идеального» предательства. Отличительные признаки указанной прецедентной ситуации становятся универсальными. Такими дифференциальными признаками являются: подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство. К атрибутам данной прецедентной ситуации можно отнести: поцелуй Иуды, 30 сребреников. Эти атрибуты помогают ярче описать ситуацию и фигурируют как её символы. Имя Иуда становится прецедентным и приобретает статус имени-символа. Атрибуты и признаки прецедентной ситуации имеют исключительное значение. Как пишет в книге «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология» лингвист В. В. Красных «прецедентная ситуация может быть актуализирована прецедентными высказываниями, именами, а также с прецедентными феноменами, пояснениями. Тогда, ситуация будет выделяться из общего фона текста и производить на читателя должное впечатление.

Источником прецедентной ситуации может быть как ситуация происшедшая в реальности и относящаяся к историческим происшествиям так и принадлежащая некоему литературному произведению. Источником

прецедентной ситуации могут быть мифы и поверья. Среди прецедентных ситуаций можно обнаружить как исключительно национальные прецедентные ситуации, понятные только жителям определенного сообщества с его уникальной историей и культурой, так и универсально-прецедентные ситуации, которые без должного объяснения будут ясны любому среднему представителю всего общества. Источником их являются события, отразившиеся на истории всего мира, или же произведения широко известные и получившие мировое признание. Такие прецедентные ситуации становятся эталонами определенных феноменов. Прецедентные ситуации, при включении их в определенное произведение, практически во всех случаях обрабатываются, переосмысливаются автором. Каждый автор дает свою оценку ситуации и вплетает её в канву своего произведения в измененном виде.

Прецедентное высказывание. Следует отметить, что наряду с каноническими прецедентными высказываниями, то есть цитатами, выделяют также трансформированные. Среди трансформированных высказываний важную роль играют усеченные высказывания. Смысл этого приема заключается в изменении смысла определенной фразы путем отделения от неё части. Например, при усечении второй части пословицы «не родись красивой, а родись счастливой» её смысл, в определенном контексте значительно изменяется и приобретает негативный характер, то есть при такой формулировке автор имеет в виду, что красота ведет к несчастью. Иногда авторы изменяют компоненты фразеологических единиц с целью коренного изменения их значения и создания необходимого эффекта. Например, глава книги Ю. Н. Караулова «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» начинается с измененной цитаты «Скажи мне кто твой друг и я скажу тебе кто ты» - «Скажи мне, что ты читаешь...». Этим автор подчеркивает важность чтения, а также демонстрирует, что степень

образованности и начитанности человека, а также круг его интересов, влияют на формирование личности. Прецедентные высказывания могут обладать поверхностным и глубинным значением:

1) поверхностное значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания. Как правило, значение таких прецедентных высказываний может быть без труда понято.

2) глубинное значение, которое представляет собой семантический результат сочетания компонентов прецедентного высказывания, формирующих его лексико-грамматическую структуру. Это прецедентное высказывание с трудом понимается носителями языка вследствие незнания первоисточника. Автор, зная это, обычно дает его толкование, отсылая читателя к его истории.

Д. Б. Гудков выделяет три основных функции прецедентных феноменов: парольную, экспрессивную и оценочную. Данная классификация является употребительной в силу её кратности и точности. Не менее важно также привести классификацию прецедентных феноменов предложенную Г. Г. Слышкиным. Ученый описывает следующие функции: Парольная функция проявляется в установлении принадлежности персонажа к определенной социальной, политической или возрастной группе, для каждой из которых свойственны особые прецедентные тексты. Эта функция характерна не для всех прецедентных текстов. Если автор хочет продемонстрировать принадлежность свои персонажей к разным социальным, возрастным группам, или показать разницу в уровне образованности, он использует прецедентный феномен, который будет нести парольную функцию.

Номинативная функция состоит в назывании объектов действительности и явлений, а также формировании впечатления от этих явлений. Чаще всего, как отмечает Г. Г. Слышкин, она актуализируется с помощью прямой цитаты. Эта функция является основной для всех

прецедентных феноменов. С её помощью человек может кратко и в тоже время глубоко выражать свои мысли. Часто цитаты из прецедентных текстов используются говорящим для емкого обобщения обширной жизненной ситуации.

Персуазивная функция определяется Г. Г. Слышкиным следующим образом: «Прецедентный текст, как правило, - текст, обладающий определенным культурным авторитетом и вызывающий к себе уважение (иногда поклонение) у носителей языка. Этим обуславливается возможность использования прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения, т.е. апелляция к текстовому концепту в персуазивной функции.

Подобное использование прецедентного текста характерно для таких речевых жанров, как спор и дискуссия». Включение прецедентных феноменов в литературное произведение осуществляется и с целью побуждения читателя к прочтению, то есть пробуждения в читателе интереса к данному литературному произведению. При помощи прецедентного текста автор также может стремиться подчеркнуть ту или иную информацию, обратить внимание читателей на определенную идею, сюжет, черту характера персонажа, элементы его внешности. С их помощью можно продемонстрировать образованность героя произведения, его моральные ценности.

Именно прецедентность и недоговоренность с точки зрения речевого воздействия диктуют многоплановость, семантическую избыточность, разные подходы к интерпретации содержания текста, заставляют обратиться к знаниям, жизненному опыту читателя. В этом случае ведущим оказывается не эксплицитно выраженный в высказывании смысл, а имплицитно заложенная информация.

Многие исследователи также обращаются к апеллятивной функции языка, рассматривая ее как частную языковую функцию, в которой

проявляются базовые функции языка – коммуникативная и когнитивная. Так, например, Ю. М. Маслов определяет апеллятивную функцию следующим образом: «...служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям». К. Бюлер указывает на наличие тройственной функции языка: экспрессии, апелляции, репрезентации, которые представляют собой различные назначения речевых высказываний: репрезентативная – сообщение, экспрессивная – выражение эмоций, апеллятивная – побуждение к действию. Р. О. Якобсон пишет о том, что апеллятивная функция соответствует получателю сообщения, на которого ориентируется говорящий, пытаясь тем или иным образом воздействовать на адресата, вызвать его реакцию. Грамматически это часто выражается повелительным наклонением глаголов, а также звательным падежом. К.Бринкер, в свою очередь, отмечает, что апеллятивная функция выполняется не только императивом глагола, но и формами обращения; она основана на том, что «получатель» доступен отправителю в качестве адресата, и это вызывает необходимость в учете отправителем фоновых знаний своего адресата. В каждом из определений апеллятивной функции указывается на реализацию с ее помощью воздействия адресанта на адресата с целью побуждения его к совершению действия: речевого или посткоммуникативного. Важно отметить, что апеллятивную функцию часто оказывается трудно отделить от фатической (контактоустанавливающей). Фатическая функция сливается с апеллятивной. Фатическая функция, будучи для собеседника призывом к установлению (поддержанию, прерыванию) коммуникации, т. е. призывом к неречевому действию, актуализирует одновременно и апеллятивную функцию. Стилистико-композиционный аспект текста также обладает определенным речевоздействующим потенциалом. Каждый стиль соотносится с тем или иным кодом, обеспечивающим смысловую приемлемость информации для читателя (т. е. объекта речевого

воздействия). Так, публицистическому стилю свойственно убеждение, но не столько через обращение к критическому мышлению, сколько через апелляцию к стереотипам, архетипам и типичным ценностям. Научно-популярному стилю свойственно убеждение с помощью логического доказательства.

Основные постулаты теории диалога сводятся к следующему:

1. Диалог – это форма существования языка, связанная с его социальной природой и коммуникативной функцией.

2. Диалогическое общение – это сфера проявления речевой деятельности человека.

3. Речевое общение в форме диалога – это конкретное воплощение языка в его специфических средствах, определенная речевая структура.

Выделенные таким образом три аспекта языка (социальный, коммуникативный, диалогический), включают в себя значение двусторонности связей, характерное для общения; условно его обозначают как “взаимо” и “два”, что подчеркивает диалогическую сущность соответствующих явлений. Диалог представляет некий обмен информацией и, следовательно, нетождественность участников коммуникации. Когда речь заходит о диалоге, предполагается, что “истина”, вывод, к которому придут участники коммуникации, заранее неизвестен, к нему можно прийти только через спор, дискуссию. Согласно Бахтину, любое соприкосновение с текстом, с миром культуры есть диалог, т. е. «спрашивание и беседа», а понимание возникает там, где встречаются два сознания, т.е. на границе с другим. Иначе говоря, условием понимания является существование другого сознания. Поэтому любой литературный текст представляет собой встречу с другим, т.е. диалог. И в этом диалоге возникает вполне определенный смысл, происходит снятие неопределенности. Более того, текст, будучи продуктом общения, вторичен по отношению к диалогу. Диалог – это

механизм текстопорождения, прототипическая ситуация общения, вписанная в социокультурный контекст.

Текст, представленный как диалог, отражает прототипическую структуру общения – является ответом на возникший до его появления вопрос. В такой постановке проблема диалогической природы текста требует включения в круг рассматриваемых вопросов смежную проблематику социокультурного контекста, т.е. анализа текста как дискурса, позволяющего увидеть диалогическую основу единства общения, познания и становления языковой личности.

Важно отметить следующие разновидности диалога:

1. Диалог текста с реальностью (текст как репрезентация "возможных миров"). В тексте не столько отражается, сколько символически "преломляется" реальность, что "не уничтожает референцию, но делает ее неоднозначной". Это проявляется в частности в общем свойстве художественного текста – "расщеплении", т.е. неоднородности писателя, читателя, и референции. Происходит создание "моделей-символов" – возможных миров, с помощью которых автор выявляет структуры мира, человеческих отношений, природу добра и зла. Взаимодействие возможных миров дискурса (ментальных репрезентаций персонажей) создает интермодальный план дискурса, вбирающий мир субъективных интенций, оценок, желаний, знаний.

2. Диалог текста с другими текстами (текст в культурном контексте, или интертекст).

Общая диалогическая стратегия авторского дискурса реализуется в каждом конкретном случае создания зоны контакта определенным набором речевых тактик, с помощью которых автор объясняет и уточняет ход повествования, выражает критическое отношение к изображаемому, выявляет его суть и свою оценку, а также привлекает внимание к форме – т.е. к языку.

Структурно диалогический дискурс автора может быть представлен и небольшой конструкцией-вставкой, и предложением, и развернутым высказыванием, занимающим абзац или несколько абзацев, и даже отдельной главой. Явный авторский диалог, или прямое слово автора, как правило, оформляется сверхфразовым единством, а скрытый диалог, или двуголосое слово, – вставкой или предложением.

Общим моментом в организации явного и скрытого диалога является преодоление границ изображаемого мира – выход в интертекстуальное пространство, в котором создаются «общественно значимые смыслы». Диалогический подход, учитывающий взаимодействие лингвистического и социально-культурного аспектов, а также ориентацию текста на Другого, включает, следовательно, три измерения текста: семиотическое (языковые структуры, образы), интеракциональное (Другой – ты, он (и) или потенциальный интерактант) и культурное (мифы, традиции, ментальность). Все эти характеристики дискурса тесно связаны между собой и участвуют в создании семантического пространства текста. Диалогическое освоение этого пространства выявляет неизбежный парадокс, сформулированный в понятии «диалектический диалог». Он заключается в том, что при диалогическом подходе необходимо быть открытым всем «другим» возможным разумным интерпретациям текста.

Высказывание диалогично, так как оно «обращено», т.е. ориентировано и предвосхищает ответ другого говорящего. Высказывание обретает смысл на «чужом» концептуальном горизонте («кругозоре») другого говорящего. Слушатель, воспринимающий высказывание, ассимилирует его в свою концептуальную систему, которая обогащает его новыми элементами. Ввиду того, что предвосхищаемый ответ частично формируется тем изменением, которое вызывается данным высказыванием в кругозоре слушателя, каждое высказывание, каждое слово рождается с «живым ответом в нем». Слово живет в диалогической среде между

кругозорами говорящего и слушателя. Высказывание диалогично, так как слово находится в диалогическом отношении с прошлым контекстом. Между словом и говорящим субъектом существует окружение из других, чужих слов о том же объекте, на ту же тему. Каждое высказывание вступает в те или иные отношения с предшествующими высказываниями – говорящий «опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю» М.Бахтин определяет диалог как "событие". Наиболее полно и всесторонне раскрывает Бахтин диалогическую природу языка, анализируя текст. Прежде всего, он подчеркивает пограничный характер текстового анализа – подобный анализ не может быть только лингвистическим или филологическим, философским или литературоведческим. Анализ текста проводится «на границах этих дисциплин, на их стыках и пересечениях», так как за каждым текстом стоит не только система языка, т.е. «все повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста», но и одновременно что-то индивидуальное, единственное и неповторимое, «и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Такой подход к тексту делает язык лишь одним из его аспектов. Язык – это «материал и средство». Главное в тексте – его замысел, авторская интенция. Общение личностей в диалоге происходит именно благодаря тексту - некоторому атому общения. М.М. Бахтин в своей “Эстетике словесного творчества” писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им. Текст, по Бахтину, может быть представлен в разных формах:

1. Как живая речь человека;
2. Как речь, запечатлённая на бумаге или любом другом носителе (плоскости);
3. Как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностьная и т.д.)

Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими своё миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к другому или к себе как к другому. Каждый из средств и приемов, используемых автором текстов, формируется совокупностью многочисленных лингвистических инструментов, выбор которых позволяет варьировать смысл и тональность речевого произведения. Это предопределяет необходимость уровневого анализа разнообразных средств и приемов речевого воздействия в поэтических произведениях.

1.3 Система места принципов факторов речевого воздействия развивающейся в этом тексте.

Проанализировав вышеизложенные средства и приемы речевого воздействия, мы предлагаем следующую систематизацию с пояснением функций средств и приемов речевого воздействия в тексте:

Таблица 1 – Систематизация функций средств и приемов речевого воздействия

	Языковой представлено уровень	Средства изыскание и приемы	Функция удобством речевого поставка воздействия
1	2	3	4
1	Фонетический	Аллитерация, изыскание ассонанс	Осуществляет ритмизацию. Замедляет более и отличительным ускоряет поставка восприятие торговых текста. Добавляет обеспечивающие эмоциональности в зависимости произведение.
		Повтор, системе опора сопровождаются на конечному связь прибыли звука коммерческая и смысла.	Влияет внутренней на закупочной смысловосприятие. Стимулирует разделение желание увязать к изыскание повторному деятельности обращению к представляют тексту.

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
2	Лексико-семантический	Использование закупочной слов-символов, изыскание ключевых только слов Синонимия, антонимия, особенности в представляют том широкого числе этапом контекстуальная. Проявление закупочной дополнительных процесс стилистических оттенков системе смысла разделении слов являясь (коннотаций)	Способствует товаров приращению распределением смысла, расширению установление лексической изыскание значимости товаров слова. системы Способствует этапом осуществлению ритмизации широкого и повторяемости, поставка интерпретируемости.
		Метафоризация, особенности эпитеты, связанные оксюморон.	
3	Синтаксический	Риторические предоставление восклицания	Влияет только на также смысловосприятие. Выделение целом важных закупочной для системы понимания относятся моментов.
		Использование рядов разделение однородных товаров членов	Способствует степени ритмизации. Расширяет воздействие понятия. Служит опорой прибыли для спроса проведения распределение смысловых закупочной параллелей
		Парцелляция, воздействие неполнота синтаксических только конструкций.	Способствует зависимости ритмизации. Влияние места на продвижении смысловосприятие. Замедление распределение или торговых ускорение восприятия поставка текста. Побуждает также читателя воздействие к системе повторному представлено прочтению.
		Повелительные конструкции, представляют обращения	Воздействие элемент на сопровождаются читателя факторов с связаны помощью обращения

Принципами речевого воздействия являются: ритмизация, выраженная в повторяемости, прецедентность, смешение стилей, обуславливающее смену каналов восприятия, апеллятивность, диалогичность. Эти приемы проходят через всю уровневую систему

анализа, проявляя себя в тех или иных приемах речевого воздействия. Безусловно, ритмизация, трактуемая в современной теории коммуникации как один из приемов речевого воздействия [30], придает тексту проповеди некую привлекательность, вызывающую готовность читателя воспринимать это сообщение. В качестве средств обозначения ритмизации могут выступать языковые единицы всех уровней в их взаимосвязи, поэтому наряду с явлениями синтаксического параллелизма, анафорического повтора, градации и т.п. при анализе ритмической организации произведений нами учитываются проявления данного приема на всех языковых уровнях. Так, ритмизация может возникать за счет аллитерации и ассонанса, лексических повторов, синонимии и антонимии, в использовании рядов однородных членов. Лексические повторы зачастую усилены в стихотворениях синтаксическим параллелизмом. Итак, для поэзии характерен особый ритмический строй, в создании которого принимают участие разноуровневые языковые средства – фонетические, лексическо-семантические, синтаксические. Средствами ритмизации может подчеркиваться смысловая целостность высказываний и их частей, выделяться смысловой центр высказывания, акцентироваться внимание читателя на важных для понимания моментах.

Появление терминов прецедентность и прецедентный текст обычно связывают с именем Ю.Н. Караулова. Он определил прецедентные тексты следующим образом: «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». С тех пор понятие прецедентных феноменов (прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст) активно используется лингвистами, причем

нередко в значении, тождественном значению термина интертекстуальность. Тексты влияния – сильные тексты, вступающие в резонанс с читателем и рождающие новые тексты на их основе.

В основе восприятия текста лежит диалог писателя с читателем, при этом читатель является активным участником при толковании текста. Качество интерпретации текста зависит от уровня культуры, содержания тезауруса читателя, его личности и окружающей его действительности. Это означает, что понимание смысла происходит благодаря жизненному, культурному и историческому опыту читателя.

Апеллятивность – семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию понятийной категории повелительности, статус которой определяется представлением в сознании читателя как требуемого, к которому его побуждает текст. В каждом из определений апеллятивной функции указывается на реализацию с ее помощью воздействия писателя на читателя с целью побуждения его к совершению действия. Апеллятивная функция имеет одно назначение – установление контакта с читателем с одновременной реализацией волеизъявления автора в целях побуждения читателя к совершению действия. В языке апеллятивная функция реализуется разноуровневыми языковыми средствами с семантикой побуждения к действию.

Диалогичность – свойство текста, основанное на том, что за каждым текстом стоят языковые личности автора и читателя. Будучи включенным в продолжающийся диалог, текст обречен на множественность толкований. Вступая в диалог с текстом, читатель приобщается к информативно-смысловому уровню текста, формируя ответную реакцию. Диалогические отношения, которые пронизывают текст, имеют своеобразный характер. Они не сводимы ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим или к каким-либо иным отношениям. Это особый тип смысловых отношений, которые

возникают между целыми высказываниями, за которыми стоят речевые субъекты, авторы данных высказываний. Но этот момент раскрывается только в цепи текстов (в речевом общении данной области) и связан не с элементами системы языка, а с неповторимыми другими текстами. Именно в этом смысле текст можно считать открытым – связанным с другими текстами диалогическими отношениями. Диалогическая открытость текста получила название «интертекстуальность» (термин Ю. Кристевой) и анализируется в филологической литературе как текстовая категория, которая реализуется в тексте языковыми средствами.

Исходя из этого, далее будет представлен анализ конкретных средств и приемов речевого воздействия, основанный на выделенных в теоретической главе уровнях воздействия.

Выводы по 1 главе

В первой главе исследования представлен подробный анализ теоретических источников, посвященных проблеме речевого воздействия. Изучение исторической ретроспективы подтвердило эволюционный характер данного феномена. Как показал обзор ключевых современных теоретических работ, речевое воздействие родственно понятиям речевого общения и манипуляции, однако не тождественно им. Понятие речевого воздействия может быть определено как взаимосвязь культурного, социального, лингвистического и психологического компонентов, суть которого состоит в преодолении защитного барьера читателя (адресата) в процессе речевого взаимодействия в устной или письменной форме, осуществляемого с помощью специально отобранных лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических средств.

В данной главе также были описаны средства и приемы речевого воздействия, составлена уровневая система средств и приемов речевого воздействия.

ГЛАВА 2. СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Поэтический язык, иначе говоря, язык художественной литературы, представляет собой такую форму, в которой материализуется и объективируется вид искусства слова, в отличие от других видов искусства, где в музыке или живописи, к примеру, средствами материализации служат звук, краски и цвет.

Поэтический язык – это и есть национальный язык, обработанный мастерами художественного слова. Он подчиняется тем же грамматическим нормам, что и язык национальный. Специфика данного поэтического языка – это его функция: он выражает содержание всей художественной литературы и словесного искусства в целом. Эту свою особую функцию поэтический язык реализует на уровне живого языкового словообразования и словоупотребления, а также на уровне речи, в свою очередь формирующей художественный стиль. Безусловно, речевые формы национального языка предполагают свою единую специфику: диалогические, монологические, сказовые особенности письменной и устной речи. Однако в художественной литературе эти средства должны рассматриваться в общей структуре идейно-тематического, жанрово-композиционного и языкового своеобразия произведения.

Важную роль в осуществлении этих функций играют изобразительные и выразительные средства языка. Роль этих средств состоит в том, что они придают речи особый колорит.

2.1. Средства речевого воздействия на фонетическом уровне

На фонетическом уровне средства речевого воздействия проявляются в таких средствах как: анафора, эпифора, ассонанс, диссонанс, аллитерация. Рассмотрим фонетические особенности на конкретных примерах.

«Свеча»

Спасибо, что свечу поставила
в католикосовском лесу,
что не погасла свечка талая,
за грешный крест, что я ношу.

Я думаю, на что похожая
свеча, снижаясь, догорит
от неба к нашему подножию?
Мне не успеть договорить.

Меж ежедневных Черных речек
я светлую благодарю,
меж тыщи похоронных свечек –
свечу заздравную твою.[1]

1971

В этом стихотворении мы наблюдаем аллитерацию:

*«Спасибо, что свечу поставила
в католикосовском лесу,
что не погасла свечка талая
за грешный крест, что я ношу».*

В данном отрывке мы видим частое повторение звука [с], связаны этот звук напоминает плавность, «мольбу».

Во всех строфах произведения можно заметить повторение звука [е] и [а]. В них отражается плавность, спокойствие, благодарение, мелодичность каждого слова.

В стихотворении также присутствует диссонанс:

*«Я думаю, на что похожая,
свеча, снижаясь, догорит*

от неба к нашему подножию?

Мне не успеть договорить».

Автором используется диссонансная рифма для особой выразительности и для определенного ритма.

Рассмотрим следующее произведение.

«Не пишется»

Я – в кризисе. Душа нема.

«Ни дня без строчки», – друг мой дробит.

А у меня –

ни дней, ни строчек.

Поля мои лежат в глуши.

Погашены мои заводы.

И безработица души

зияет страшною зевотой.

И мой критический истец

в статье напишет, что, окрысьсь,

в бескризиснейшей из систем

один переживаю кризис.

Мой друг, мой северный, мой неподкупный

друг,

хорош костюм, да не по росту,

внутри всё ясно и вокруг –

но не поётся.

Я деградирую в любви.

Дружу с оторвою трактирнойю.

Не деградируете вы –

я деградирую.

Был крепок стих, как рафинад.
Свистал хоккейным бомбардиром.
Я разучился рифмовать.
Не получается.

Чужая птица издали
простонет перелётным горем.
Умеют хором журавли.
Но лебедь не умеет хором.

О чём, мой серый, на ветру
ты плачешь белому Владимиру?
Я этих нот не подберу.
Я деградирую.

Семь поэтических томов
в стране выходит ежесуточно.
А я друзей и городов
бегу, как бешеная сука,

в похолодавшие леса
и онемевшие рассветы,
где деградирует весна
на тайном переломе к лету...

Но верю я, моя родня –
две тысячи семьсот семнадцать
поэтов нашей федерации –
стихи напишут за меня.

Они не знают деградации.

В данном стихотворении наблюдаем аллитерацию:

*«Был крепок стих, как рафинад. Свистал хоккейным бомбардиром.
/ предприятия Я разучился рифмовать. / Не получается».*

Часто повторяются звуки [б], [р], [д]. Это напоминает нам «рычание» строк, а также резкость, грубость и выразительность произведения в целом.

Также для данного стихотворения характерен диссонанс:

*«Поля мои лежат в глуши. Погашены мои заводы. / И безработица
души / зияет страшною зевотой».*

Этот прием создает иллюзию игры, благодаря необычной рифме, и служит особым выразительным средством.

Проанализируем еще одно произведение, которое не имеет названия, но посвящено Ж.-П. Сартру.

Я – семья
во мне как в спектре живут семь «я»
невыносимых как семь зверей
а самый синий
свистит в свирель!
а весной
мне снится
что я – восьмой.[1]

1962

В тексте присутствует аллитерация:

«Невыносимых как семь зверей/ а самый синий/ свистит в свирель».

Звук [с] – это, прежде всего, ассоциация со свистом, мы будто в действительности слышим, как *свистит в свирель*.

В стихотворении ярко выражена каламбурная рифма:

Я – семья / во мне как в спектре живут семь «я».

Каламбурная рифма придает тексту игривость. Уподобляются такие слова, как «семья» и «семь я».

Проанализируем следующее стихотворение.

Сон

На площади судят нас, трех воров.

Я тоже пытаюсь дознаться - кто?

Первый виновен или второй?

Но я-то знаю, что я украл.

Первый признался, что это он.

Второй улики кладет на стол.

Меня прогоняют за то, что вру.

Но я-то помню, что я украл.

Пойду домой и разрою клад,
где жемчуг теплый от шеи твоей...

И нет тебя засвидетельствовать,
чтобы признали, что я украл.[1]

1973

В данном стихотворении мы видим частые повторы звуков [р], [кр], [пр] и другие звуки в словах: *первый, второй, украл, признался, прогоняют, разрою, признали* и др. Согласные звуки играют в языке основную смысловозначительную роль. Действительно, каждый звук несет тревожность, трагизм случившегося.

Ассонанс не наблюдается, поскольку певучесть и мелодия в данном стихотворении практически отсутствуют.

В данном стихотворении очень хорошо заметен диссонанс. Автор рифмует слова не совсем подходящие для рифмовки: «воров – второй»; «клад – украл» и др.

Ярко выраженная эпитафия: «*что я украл*». Данное выражение повторяется три раза в конце каждого столбца. По-видимому, автор делает акцент именно на этом выражении. Видимо, герой хотел обратить на свое преступление внимание судящих. Слова раскаивания звучат в этих строках. Но в это время идет борьба между совестью и желанием быть свободным.

Рассмотрим еще одно стихотворение.

Музе

(Надпись на избранном)

В садах поэзии бессмертных

через заборы я сигал,

я все срывал аплодисменты

и все бросал к Твоим ногам.

Но оказалось, что загадка

Не в упоенье ремесла.

Стих ж – бумажные закладки

Меж жизнью, что произошла.[1]

1975

В стихотворении повторяются звуки [с], [з], [ж]. Аллитерация данных звуков напоминает нам о тишине, легкости, неопределенном свисте. Слова с таким частым повторением звуков как бы «бросаются и срываются».

Звуковая инструментовка [с], [з], [ж], [о] [а] позволяет нам прочувствовать выразительность данного стихотворения. Складывается впечатление некой «переклички», поскольку произведение читается и воспринимается очень четко, бодро, звучно.

Также наблюдается диссонанс: *бессмертных – аплодисменты; загадка – закладки; ремесла – произошла*. Автор использует диссонанс с целью предания особой выразительности стихотворению.

Исходя из данных анализов произведений, можно сделать вывод, что на фонетическом уровне мы видим частое повторение таких приемов, как диссонанс, аллитерация, ассонанс. Именно они придают произведениям особую ритмику, динамику, необычное внешнее строение, также что непосредственно влияет и на интонацию, и на смысл.

Таблица 2 – Анализ средств речевого воздействия на фонетическом уровне

Языковой уровень	Средства и приемы	Функция речевого воздействия	Пример
1	2	3	4
Фонетический	Аллитерация, ассонанс, диссонанс	Осуществляет ритмизацию. Замедляет и ускоряет восприятие текста. Добавляет эмоциональности в произведение.	<p>1. « [С]па[с]ибо, что [с]вечу по[с]тавила в католико[с]ов[с]ком ле[с]у, что не пога[с]ла [с]вечка талая за грешный кре[с]т, что я ношу...» (легкий свист, производитель тишина, услуг плавность, управление «мольба»).</p> <p>2. « [Б]ыл к[р]епок стих, как [р]афина[д]. Свистал хоккейным [б]ом[б]а[рд]и[р]ом. / Я [р]азучился [р]ифмовать. / Не получается.» («рычание» удобством строк, места акрезкость, предприятия грубость системе и конечный выразительность связанные произведения).</p> <p>3. «Невыно[с]имых как [с]емь зверей/ а [с]амый [с]иний/ [с]ви[с]тит в [с]вирель». (свист).</p> <p>4. «пе[р]вый, вто[р]ой, у[кр]ал, [пр]изнался, [пр]огоняют, [р]аз[р]ою, [пр]изнали» (трагизм, тревожность)</p> <p>5. «В этапе [с][а]д[а]х элементов п[о]э[з]ии услуг бе[СС]мертных Чере[з] [з][а]б[о]ры обеспечивающие я элементов [с]игал, я сопровождаются в[с]е воздействие [с]рыв[а]л прибыли [а]плоди[с]менты и прибыли в[с]е коммерческая бр[о][с][а]л более к элементов Тво[и]м разделении н[о]г[а]м.</p>

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
			<p>Н[о] продвижении [о]к[а] [з][а]л[о][с]ь, чт[о] сопровождаются [з][а]г[а]дк[а] Не розничной в факторов уп[о]енья элементы реме[с]л[а]. [С]тих [ж] мероприятий – розничной бум[а][ж]ные элементы [з][а]кл[а]дки Ме[ж] экономическая [ж]и[з]нью, спроса чт[о] пр[о]и[з][о]шл[а]». (Тишина, легкость, свист).</p>

2.2. Средства речевого воздействия на лексико-семантическом уровне

Основными средствами речевого воздействия на лексико-семантическом уровне являются: метафора, сравнение, эпитет, аллегория. Рассмотрим эти средства на конкретных примерах.

«Пожар в Архитектурном институте»

Пожар в Архитектурном!
 По залам, чертежам,
 амнистией по тюрьмам —
 пожар, пожар!

По сонному фасаду
 бесстыже, озорно,
 гориллой краснозадой
 взвивается окно!

А мы уже дипломники,
 нам защищать пора.
 Трещат в шкафу под пломбами
 мои выговора!

Ватман — как подраненный,
 красный листопад.

Горят мои подрамники,
города горят.

Бутылью керосиновой
взвилось пять лет и зим...
Кариночка Красильникова,
ой! горим!

Прощай, архитектура!
Пылайте широко,
коровники в амурах,
райклубы в рококо!

О юность, феникс, дурочка,
весь в пламени диплом!
Ты машешь красной юбочкой
и дразнишь язычком.

Прощай, пора окраин!
Жизнь — смена пепелищ.
Мы все перегораем.
Живешь — горишь.

А завтра, в палец чиркнувши,
вонзится злей пчелы
иголочка от циркуля
из горсточки золы...

...Все выгорело начисто.
Милиции полно.
Все — кончено!
Все — начато!
Айда в кино![1]

Тема стихотворения - описание пожара в Архитектурном институте, горящие работы студентов и архитектурные планы. С помощью описания этого события Вознесенский выражает мысль о конце и бесполезности академического искусства, а также торжестве молодости и жизни над ним.

В стихотворении наблюдаются такие средства и приемы, как: метафоры: *трещат выговора; города горят; дразнишь язычком; живешь – горишь* и др. Метафоры придают тексту особое «движение», служат своеобразной заменой обыденным действиям, придают яркую окраску слову.

Помимо метафор, в тексте можем наблюдать достаточное количество сравнений, к примеру: *ватман – как подраненный; вонзится злей пчелы; бутылку керосиновой взвилось пять лет и зим* и др. Сравнения в тексте служат уподоблением тому, что всегда имеет строгий и формальный признак.

Эпитет *сонному фасаду* придает образность сонного царства института, *красный листопад* - образ пожара. Автор воспринимает пожар с восторгом, как обновление, необходимое старому сонному искусству. Юность характеризуется как «*дурочка*», потому что она наивна и верит в вечное возрождение, но это и прекрасно в юности. Такой оксюморон во взгляде на юность (феникси дурочка) делает образ этого жизненного периода не приторно-сладким, а трагически-романтическим: «*о, юность, феникс, дурочка...*» Юность сравнивается с птицей Феникс, возрождающейся из пламени, преодолевающей самые трудные препятствия.

В тексте также присутствует парадокс: *все – кончено, все начато*. Автор использует этот прием для усиления общего настроения и выразительности. Веселое настроение передается этой строкой. Лирический герой с легкостью относится к погибшим работам, показывая, что все должно обновляться.

Оксюморон: *коровники в амурах, райкомы в рококо* приводит к созданию комического эффекта, который, в свою очередь, являет сатирическое изображение действительности. Автор высмеивает замыслы молодых художников, архитекторов, содержащиеся в их дипломах. Этим приемом показано сочетание старых стилей архитектуры и новое их назначение «*коровники и райкомы*», что отражает обновление в искусстве.

В приведенном стихотворении про пожар автор делает из описания бытового события (пожара) философское эссе о финале, как начале нового этапа жизни, о юности, манящей своей смелостью к новому.

Рассмотрим следующее стихотворение.

«Живите не в пространстве, а во времени»

Живите не в пространстве, а во времени,
минутные деревья вам доверены,
владейте не лесами, а часами,
живите под минутными домами, и плечи вместо соболя кому-то
закутайте в бесценную минуту... Какое несимметричное Время!

Последние минуты — короче,

Последняя разлука — длиннее...

Килограммы сыграют в коробочку.

Вы не страус, чтоб уткнуться в бренное. Умирают — в пространстве.

Живут — во времени.[1]

1969

Ключевые слова стихотворения – пространство и время. Основа стихотворения – развернутая метафора, цельный художественный образ. Изображение делается подвижным, а восприятие творческим.

«*Минутные деревья вам доверены...*» - осознать скоротечность бытия, мгновенность нашего пребывания в пространстве, где, как порой нам кажется, все существует только для нас. Но деревья – «*минутные*»! А далее мы узнаем, что эти «*минутные деревья*» нам доверены (метафора,

оксюморон). Итак, торопись, Человек, делать добро миру живому и не живому, ибо пора твоего «времени» скоротечно. Метафора: «*Живите под минутными домами...*», но уже не «минуты», а «дома» - ничто не вечно, все подвержено тлену и разрушению.

Следующие две строки – это сравнение, сопоставление истинного и иллюзорного:

«...и плечи вместо соболя кому – то
Закутайте в бесценную минуту...»

Вознесенский предупреждает нас не менять драгоценное время чем то материальным, предлагая метафорическим эпитетом – «*бесценную минуту*» - непреходящее тепло вечной любви.

И наконец, финал, вывод, авторский закон бытия, подчеркнутый логическим ударением. «*Умирают – в пространстве*». Это состояние или свойство всего, «простор, даль, ширь и глубь» (по Далю). Да, это верно, но слишком холодно, обобщенно, чуждо.

«*Живут – во времени*».

«Во времени» тепла, любви, когда (в идеале) счастье и земное благоденствие со всеми окружающими нас людьми.

Фигура, лежащая в основе композиции стихотворения, - параллелизм, т.е. однородное синтаксическое построение предложений или их частей. Структурный параллелизм в стихотворении, сопровождающийся содержательным сходством в построении предложений, раскрывает связь образов: живите – владейте, живите – закутайте. Антитеза «*умирают – живут*». Образное употребление слов (минутные деревья, дома) выразительно подчёркивают идею стихотворения: времени мало, а сделать надо очень много – хорошего, доброго, запоминающегося...

Проанализируем еще одно стихотворение.

Я – двоюродная жена.

У тебя – жена родная!
Я сейчас тебе нужна.
Я тебя не осуждаю.

У тебя сын и сад.
Ты, обняв меня за шею,
поглядишь на циферблат –
даже пикнуть не посмею.

Поезжай ради Христа,
Я куплю билет на поезд.
В фотографию вопьюсь.
И спрячу бритву в пояс.[1]

При чтении текста, внимание падает на фразу *я* – «*двоюродная жена*». Это комическая метафора, выражающая трагизм ситуации. Двоюродных жен не бывает. Очевидно, что это любовница. И это комическое на службе у трагического является особенностью художественной манеры Вознесенского, специфика его метафоры. Метафора «*бритвы в пояс*» указывает на тропу мести, войны, на которую выходит «двоюродная жена».

Также автор использует такой своеобразный прием, как зевгма: *у тебя сын и сад*. Зевгма придает стихотворению особую игру слов, несовместимую по действию. Это символы привязанности к семье, держащие мужчину.

Рассмотрим еще одно стихотворение.

«Художник и модель»

Ты кричишь, что я твой изувер,
и, от ненависти хорошея,
изгибаешь, как дерзкая зверь,

голубой позвоночник и шею.

Недостойную фразу твою
не стерплю, побледнею от взору,
Но тебя я боготворю,
И тебе стать другой не позволю.

Эй, послушай! Покуда я жив,
жив покуда,
будет люд тебе в храмах служить,
на тебя молясь, на паскуду.[1]

1973

В данном стихотворении присутствует сравнение, оно делает текст более глубоким, помогая нам представить общую картину: *«изгибаешь, как дерзкая зверь»*. Это сравнение рождает образ дикого, дерзкого, смелого, гибкого, красивого зверя (тигрица, пантера, львица и др.). И одновременно с этим образом складывается образ женщины (дерзкой, красивой) и образ самого героя, которому нравятся именно такие женщины, а не «пушистые кошечки».

Богато стихотворение и на метафоры, они придают тексту некую живость и иную смысловую деталь: *«от ненависти хорошея»*; *«дерзкая зверь»*.

Эпитеты в этом стихотворении придают произведению образные характеристики героев: *«голубой позвоночник»* - образ статной женщины; *«недостойную фразу»* - фраза, недостойна этой женщины, образ величественной женщины; *«я твой изувер»* - образ героя – фанатика, который увлечен этой женщиной.

В произведении имеется одно обращение, адресованное «модели»:
«Эй, послушай!»

Также присутствует жаргонная лексика: *«на тебя молясь, на паскуду»*.

Ярко выраженная антитеза придает также тексту особое первой внутреннее положение, которое основывается на отношении «художника и модели»: *«Недостойную фразу твою не стерплю, побледнею от вздору. Но тебя я боготворю»*.

В этом стихотворении сталкивается низкое и высокое. Стилистически сниженная лексика служит выражению мысли о преобладании в художнике творца, а не человека. Он стерпит оскорбления и сам их произнесет, но будет делать свое дело.

Рассмотрим следующее стихотворение.

Распрямились года, как вода.
От жемчужного сна озорного
не осталось в душе и следа.
Но осталась заноза.
Нож возьму, не ропща, не мудря.
Соперировать – экая малость!
Чисто вырезал – до нутра.
Аж наружу зияет дыра.
Но заноза осталась.[1]

1974

Объем данного стихотворения незначительный, но это не говорит о том, что произведение и на лексические особенности также скудно. Стихотворение полностью и целиком пропитано грустью, легкой печалью и болью.

В стихотворении достаточно много метафор. Без них мы не смогли бы распознать и увидеть всю красоту и неповторимую образность текста: *«чисто вырезал»*; *«наружу зияет дыра»*; *«не осталось в душе и следа»* и др.

Сравнение помогает нам сопоставить и представить ту или иную картину: «*Распрянулись года, как вода*». То, что было в прошлом забывается, и жизнь течет рекой.

Благодаря иронии в тексте мы можем увидеть скрытую улыбку автора и его душевную тревогу на данный момент: «*Соперировать – экая малость!*»

Перифраз позволяет нам увидеть и прочувствовать иной смысл содержания образов: «*Чисто вырезал – до нутра*» - это насильно забытые воспоминания, любовь.

Литота: «*Соперировать – малость*». Благодаря данной литоте мы можем увидеть уходящие бесстрашие автора и готовность принять боль.

Ключевая метафора – «*заноза*». Это какая-то боль, боль воспоминаний, боль осадка, боль любви.

Исходя из данного анализа стихотворений, можно сделать общий вывод, что данные произведения богаты на художественные тропы, а именно: метафоры, эпитеты, сравнения, метонимии, олицетворения и антитезы. Благодаря огромному наличию художественных тропов, стихотворения друг от друга отличаются своей выразительностью, эмоциональностью и смысловыми оттенками. С точки зрения лексики, стихотворения сложные, но этим они и интересны читателям.

Таблица 3 – Анализ средств речевого воздействия на лексико-семантическом уровне

Языковой уровень	Средства и приемы	Функция речевого воздействия	Пример
1	2	3	4
Лексико-семантический	Использование слов-символов, ключевых слов.	Способствует приращению смысла, расширению лексической значимости слова.	1. « <i>пожар</i> » - символ начала нового. 2. « <i>пространство и время</i> » - ключевые слова.

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
	Метафоризация	Способствует осуществлению ритмизации и повторяемости, интерпретируемости	1. «трещат конечный выговора», обеспечивающ «города первой горят», «дразнишь спроса язычком», «живешь более – элементов горишь целом». элементов
	Эпитеты		2. «минутные деревья», «Живите под минутными домами...». 3. «двоюродная жена», «бритвы в пояс».
	Оксюморон		1. «сонному факторов фасаду», «красный предприятия листопад»; 2. «бесценную минуту»
	Сравнение		1. «о, юность, феникс, дурочка...», «коровники процесс в распределением амурах, распределением райкомы прибыли в рококо»; 1. «ватман обеспечивающие – мероприятий как увязать подраненный», «вонзится особенности злей отличным пчелы», изыска «бутылью разделении керосиновой внутренней взвилось

2.3. Средства речевого воздействия на синтаксическом уровне

Рассматривая творчество Андрея Вознесенского можно сразу отметить, что его произведения с точки зрения синтаксиса достаточно интересны, богаты и разнообразны. В проанализированных нами стихотворениях часто встречаются такие средства: эллипсис, инверсия, парцелляция, перифраз. Чаще всего автор употребляет именно простые

предложения, неполные, односоставные. По интонации предложения в большей степени восклицательные.

Проанализируем несколько стихотворений Андрея Вознесенского с точки зрения синтаксиса и пунктуации.

«Ты поставила лучшие»

Ты поставила лучшие годы,
я – талант.

Нас с тобой секунданты угодливо
Развели. Ты – лихой дуэлянт!

Получив твою меткую ярость,
покачнусь и скажу, как актер,
что я с бабами не стреляюсь,
из-за бабы – другой разговор.

Из-за Той, что вбегала в июле,
что возлюбленной называл,
что сейчас соловьиною пулей
убиваешь во мне наповал![1]

1972

В данном стихотворении есть художественный перенос:

Нас с тобою секунданты угодливо / развели.

Автор использует перенос для того, чтобы придать тексту определенную интонацию, интересную технику чтения.

Также в тексте присутствует перифраз: *что сейчас соловьиною пулей / убиваешь во мне наповал!* Происходит замена слова: *соловьиною пулей* имеется в виду очень быстрой, маленькой, будто птица. Этот прием своеобразный. Автор всячески пытается помочь читателю именно представить то, что героиня быстро и метко убивает в герое любовь.

Параллелизм: *Получив твою меткую ярость*. Меткая ярость употребляется в данном случае как тождественное и схожее расположение элементов речи. Используется для усиления контраста, для усиления эмоций, для более точного описания происходящего. Меткая ярость - злые чувства, направленные именно на лирического героя. Отношения мужчины и женщины сравниваются с дуэлью.

В стихотворении есть частые пропуски подлежащего. Используются определенно-личные предложения: *«Получив твою меткую ярость, / (я) покачнусь и скажу, как актер; что (я) возлюбленной называл, / что сейчас соловьиною пулей/ убиваешь (ты) во мне наповал!»*

В этом произведении мы видим употребление простых и неполных предложений. Встречаются и восклицательные предложения, которые задают общий настрой всему произведению. Автор часто использует такой знак препинания, как тире. В данном случае здесь идет как пропуск, намеренная пауза, чтобы читатель смог остановиться и задуматься, представить ситуацию.

Рассмотрим еще одно стихотворение.

«Муравей»

Он приплыл со мной с того берега,
заблудившись в лодке моей.
Не берут его в муравейники.
С того берега муравей.

Черный он, и яички беленькие,
Даже, может быть, побелей...
Только он муравей с того берега,
с того берега муравей.

С того берега он, наверное,

как католикам старовер,
где иголки таскать повелено
остриями не вниз, а вверх.

Я б отвез тебя, черта беглого,
да в толпе не понять – кто чей.

Я и сам не имею пеленга
того берега, муравей.

Того берега, где со спелинкой
земляниковые бока...

Даже я не умею пеленга,
чтобы сдвинулись берега!

Через месяц на щепке, как Беринг,
приплывет он к семье своей,
но ответят ему с того берега:
«С того берега муравей».[1]

1973

Довольно ярко и отчетливо наблюдается в данном стихотворении композиционный стык: *«Только он муравей с того берега, / с того берега муравей; но ответят ему с того берега: / С того берега муравей»*. Данный прием используется в стихотворении для разнообразия, делает его интересным не только по строению и композиции, но и по смыслу.

Также в произведении видим художественный перенос. Один из приемов, когда автор намеренно разделяет предложение путем перенесения одного слова или словосочетания на другую строку: *«Того берега, где со спелинкой / земляниковые бока...; Я и сам не имею пеленга / того берега, муравей»*.

Также автор делает намеренный пропуск подлежащего, неопределенно-личные предложения: *«но ответят ему (они) с того берега»*; *«(они) не берут его в муравейники»*.

Стоит отметить, что некоторые предложения предполагают собой умолчание. Автор использует умолчание для того, чтобы читатель смог остановиться, задуматься, предположить, что будет представлено дальше: *«Даже, может быть, побелей...»*; *«земляниковые бока...»*

В тексте чаще всего встречаются неполные распространенные предложения. По интонации предложения повествовательные.

Проанализируем следующее стихотворение.

«Романс»

Запомни этот миг. И молодой шиповник.

И та Твоим плече прививку от него.

Я – вечный Твой поэт и вечный Твой любовник.

И – больше ничего.

Запомни этот мир, пока Ты можешь помнить,

а через тыщу лет и более того

Ты вскрикнешь, и в Тебя царапнется шиповник...

И – больше ничего.[1]

В данном стихотворении мы видим интертекстуальность. Автор выделяет тему царевны-шиповник. Показан образ героини с характером шиповника.

Анализируя данное стихотворение с точки зрения синтаксиса и пунктуации, сразу хочется отметить наличие парцелляции. Это намеренное разделение предложения. Такой прием используется для усиления выразительности, соблюдая авторские паузы, сохраняя замысел, например: *«Запомни этот миг. И молодой шиповник. / И на твоим плече прививку от него»*.

Автор использует определенно-личное предложение: *«Я – вечный твой поэт и вечный Твой любовник; (Ты) Запомни этот мир, пока Ты можешь помнить»*. Андрей Вознесенский использует данный прием для того, чтобы заставить читателей самостоятельно домыслить умышленно пропущенную фразу или отдельное слово.

Присутствует в тексте также и лексический повтор: *«И – больше ничего»*. Данное предложение в тексте повторяется 2 раза. Быть может, это и есть самое главное, о чем стоит задуматься в тексте героине и нам, читателям, в целом.

Помимо лексического повтора есть и синтаксический параллелизм, где построения нескольких предложений схожи по структуре: *«Я – вечный Твой поэт и вечный Твой любовник. И – больше ничего. / Ты вскрикнешь, и в Тебя царапнется шиповник... / И – больше ничего»*.

Стоит отметить, что «любимым» знаком препинания в данном стихотворении стало тире. Именно тире способствует некой паузе, отражает пропуск действия и мысли. Читатели смогут задуматься на этом моменте, понять и суть прочитанного.

Трудно не заметить, но автор очень часто употребляет союз «и». Такое явление в синтаксисе называется многосоюзием.

Стихотворение довольно спокойное, задумчивое, такой эффект создается благодаря повествовательным предложениям. Чаще всего встречаются неполные распространённые предложения.

Проанализируем следующее стихотворение.

Почему два великих поэта,
проповедники вечной любви,
не мигают, как два пистолета?
Рифмы дружат, а люди – увы...

Почему два великих народа

холодеют на грани войны,
под непрочным шатром кислорода?
Люди дружат, а страны – увы...
Две страны, две ладони тяжелые,
предназначенные любви,
охватившие в ужасе голову
черт те что натворившей Земли![1]

1977

Анализируя данное стихотворение, сразу хочется отметить наличие риторических вопросов. Автор задает их не только себе, но и читателям. Ему не понятно, почему все-таки люди не умеют дружить, как рифмы, почему страны не умеют между собой дружить так, как дружат люди? И почему из-за всех ссор и холодных войн должна страдать наша Земля? Пример: *«Почему два великих поэта, / проповедники вечной любви, / не мигают как два пистолета? / Почему два великих народа / холодеют на грани войны, / под непрочным шатром кислорода?»* Ответы на данные вопросы у каждого найдутся свои. В этом и заключается смысл риторических вопросов: каждый отвечает сам за себя.

Также автор использует такой прием, как эллипсис: *«Рифмы дружат, а люди – увы... / Люди дружат, а страны – увы...»* Отсюда также вытекает и умолчание, поскольку автор в конце каждого предложения ставит многоточие. Именно многоточие наталкивает нас на раздумье, на осознание всеобщей трагедии мира.

Предложения: *«Рифмы дружат, а люди – увы... / Люди дружат, а страны – увы...»* Построены по принципу синтаксического параллелизма. Они схожи по строению, по структуре написания и, конечно же, по смыслу.

В стихотворении практически отсутствуют союзы, автор использует такой прием, как асиндетон.

Автор называет *«проповедниками вечной любви»*. Это и есть не что иное, как перифраз.

Для произведения характерны неполные предложения. Есть однородные подлежащие: *«Две страны, две ладони тяжелые, предназначенные любви»*.

Рассмотрим еще одно стихотворение.

Когда звоню из городов далеких, –
Господь меня простит, да совесть не простит, –
я к трубке припаду – услышу хрипы в легких,
за горло схватит стыд.
На цыпочках живешь. На цыпочках болеешь,
чтоб не спугнуть во мне наитья благодать.
И черный потолок прессует, как Малевич,
и некому воды подать.
Токою как глухарь, по городам торгую,
толкуют пошляки.
Ударят по щеке – подставила другую.
Да третьей нет щеки.[1]

1977

В стихотворении автор использует такой прием воздействия - парцелляция. Это намеренное разделение предложения с целью придания выразительности, экспрессивности, особенной техники чтения, к примеру: *«На цыпочках живешь. На цыпочках болеешь. / Ударят по щеке – подставила другую. / Да третьей нет щеки»*.

В тексте есть определенно-личные предложения: *«Когда (я) звоню из городов далеких; я к трубке припаду – (я) услышу хрипы в легких»*. С помощью таких предложений автор придает тексту личностное начало, некую загадочность, выразительность, самостоятельное продолжение мысли.

Используется в тексте и лексический повтор: *«Господь меня простит, да совесть не простит»*; *«На цыпочках живешь. На цыпочках болеешь»*. Повторение слов – это стилистический прием, усиливающий выразительность речи. Лексические повторы помогают выделить важное в тексте понятие.

Также в данном стихотворении можно отметить однородные сказуемые: *«Токую как глухарь, по городам торгую, толкуют пошляки»*.

В тексте имеется инверсия – это обратный порядок слов. Пример: *«за горло схватит стыд»*.

Также для приведенного стихотворения характерен художественный перенос. Автор использует данный прием с целью придания тексту выразительности, интересной техники чтения и, таким образом, он выделяет основные компоненты стихотворения: *«Токую как глухарь, по городам торгую, / торгуют пошляки»*.

Автор намеренно использует асиндетон, то есть в тексте практически не встречаются союзы. В частом использовании находится такой знак препинания как тире. Больше всего в тексте встречаются односоставные определенно-личные и неопределенно-личные предложения.

На уровне синтаксиса и пунктуации творчество Вознесенского достаточно богатое, разнообразное и интересное. Андрей Вознесенский придал своему творчеству особый колорит. Благодаря таким художественным приемам как эллипсис, парцелляция, перифраз, художественный перенос, инверсия и многие другие, произведения стали значительно украшены, многообразны и представляют собой мировую ценность среди поэзии.

Таблица 4 – Анализ средств речевого воздействия на синтаксическом уровне

Языковой уровень	Средства и приемы	Функция речевого воздействия	Пример
1	2	3	4

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
Синтаксически й	Риторические восклицания, Использование рядов однородных членов, Парцелляция, неполнота синтаксических конструкций.	Влияет на смысловосприятие. Выделение важных для понимания моментов. Способствует ритмизации. Расширяет понятия. Служит опорой для проведения смысловых параллелей, Способствует ритмизации. Влияние на смысловосприятие. Замедление или ускорение восприятия текста. Побуждает читателя к повторному прочтению.	1. <i>«Ты элемент –лихой системы дуэлянт!.../ убиваешь во мне наповал!»</i> 2. <i>«Две страны, две ладони тяжелые, предназначенные любви».</i> 3. <i>Токою как глухарь, по городам торгую, толкуют пошляки».</i> 4. <i>«Получив твою меткую ярость, / покачнусь и скажу, как актер; что возлюбленной называл, / что сейчас соловьиною пулей/ убиваешь во мне наповал!»</i>

2.4. Анализ средств речевого воздействия в стихотворении «Ты меня на рассвете разбудишь (Сага)»

Сага (Ты меня на рассвете разбудишь...)

Ты меня на рассвете разбудишь,
проводить, необутая, выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь.
Ты меня никогда не увидишь.

Заслонивши тебя от простуды,
Я подумаю: «Боже Всевышний!
Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

Эту воду в мурашках запруды,

это Адмиралтейство и Биржу
я уже никогда не забуду
и уже никогда не увижу.

Не мигают, слезятся от ветра
безнадежные карие вишни.
Возвращаться – плохая примета.
Я тебя никогда не увижу.

Даже если на землю вернемся
мы вторично, согласно Гафизу,
мы, конечно, с тобой разминемся.
Я тебя никогда не увижу.

И окажется так минимальным
наше непониманье с тобою
перед будущим непониманьем
двух живых с пустотой неживою.

И качнется с бессмысленной высью
пара фраз, залетевших отсюда:
«Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

Стихотворение Андрея Андреевича Вознесенского «Сага» названа так неспроста. В переводе «Сага» - это сказание. Значит, речь пойдет о влюбленных, возможно, у которых были прототипы.

Произведение, опубликованное в качестве составной части поэтического сборника «Соблазн», является автобиографической историей любви поэта к русской актрисе и повествует о трагическом, тяжелом прощании с возлюбленной, необходимом в силу возникших жизненных обстоятельств.

Повествование в стихотворении ведется от имени лирического героя в первом лице, описывающего собственные переживания, страдания и тоску, вызванные вечной разлукой с любимой женщиной.

Представим анализ данного стихотворения на фонетическом уровне. Прочитав стихотворение можно отметить большое количество взрывных звуков [Р], [Т], [Д], что говорит о явной чувственности и страстности произведения, желания воздействовать на читателя через его чувства. Посредством гласного звука [У] в стихотворении подчеркивается протяженность стихотворения. Оно наделяется еще большим смыслом, строки звучат мелодично, замедляется темп, вероятно, дается установка на раздумье.

Одним из принципов речевого воздействия является ритмизация. В данном стихотворении она проявляется посредством не только рифмы, но и повтора. Ритм и повторяемость резонируют в человеческое подсознание. В речевом плане повторы связаны с реализацией функции ритмизации, формирующей стойкое желание еще и еще раз обратиться к информации. Ритмизация влияет на смысловое восприятие, при этом, большое количество лексических повторов приводит, вероятно, к еще большему желанию перечитать стихотворение. Повтор фраз «Я тебя никогда не забуду. // Я тебя никогда не увижу» создает впечатление молитвенного шепота, усиливающего страдания, невысказанную боль и мучительную тоску лирического героя.

Основным приемом на лексико-семантическом уровне является совмещение времен. Этот прием помогает отчетливее понять главную мысль стихотворения: любовь торжествует над временем. Лирических героев навсегда связывает рефрен «ты меня никогда не забудешь, ты меня никогда не увидишь» — «я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу». Кажется, что эти строки звучат печально и безнадежно, однако смысл их в другом: слова «никогда» в них разные по значению, то есть фраза «никогда не забуду» имеет положительное значение, означает «я буду любить тебя всегда». Второе «никогда» вводит в стихотворение отрицательную тему, которая нарастает от строфы к строфе: мы никогда не

увидимся, мы разминёмся, если встретимся в другой жизни, всё исчезнет в «неживой пустоте». Два «никогда» рожают в стихотворении антитезу «всегда — никогда». Фраза «никогда не забуду» означает, что любовь сильнее жизненных обстоятельств, судьбы, бесконечного безжизненного пространства.

Обращаясь к уровню образных средств, можно выделить такой прием как использование метафоризации («безнадежные карие вишни», «эту воду в мурашках», «с пустотой неживою», «бессмысленной высью», «пара фраз, залетевших отсюда») автор передает чувства и состояния героев.

Оригинальные метонимии, антитеза («всегда-никогда»), живописные сравнения, а также фраза в виде эпитеты «Я тебя никогда не увижу». При этом стихотворение отличается сдержанностью поэтической эмоциональной интонации, а также слиянием голосов влюбленных, выраженных в монологе лирического героя.

В произведении прослеживаются библейские мотивы. В первом четверостишии слово «рассвет», образованное от слова «свет», которое в свою очередь тождественно со словом «свят». Во втором герой обращается к богу со словами «Боже всевышний», к которому мы обращаемся в минуты сильного волнения, в минуты душевного расстройства, в минуты, когда даже надежда покидает нас. Через все стихотворение проходят повторяющиеся мотивы холода и ветра, которые отражают состояние героев. Это «рассвет», «вода в мурашках», «простуда», «пустота», «пара фраз, залетевших отсюда». Меняется тональность стихотворения. Все сильнее нарастает тревога.

Таким образом, все вышеописанные средства помогают нам понять героя, добавляют стихотворению эмоциональности, провоцирующий на отклик читателя, совмещение времен обостряет проблемы и терзания в душе героя, раскрывается его внутреннее состояние. Такие приемы как:

ассонанс и аллитерация, ритмизация, использование лексических повторов, антитеза, метафоризация делает произведение образным, богатым, что также привлекает внимание и в конечном счете сказывается на восприятии и интерпретируемости. Цель их использования – воздействие на читателя, выход на личностные интересы, привлечение внимания к произведению. Все вышеописанные принципы и приемы являются основой речевого воздействия данного стихотворения.

Таблица 5 – Анализ средств речевого воздействия в стихотворении «Сага» А.А. Вознесенского

Языковой представлен о уровень	Средства изыскание и приемы	Функция удобством речевого поставка воздействия	Пример
1	2	3	4
Фонетическ ий	Аллитерация, изыскание ассонанс	Осуществляет ритмизацию. Замедляет более и отличительным ускоряет поставка восприятие торговых текста. Добавляет обеспечивающие эмоциональности в зависимости произведение.	[Т]ы экономическая меня внутренней на системе [р]ассве[т]е системы [р]азбу[д]ишь, п[р]ово[д]и[т]ь, степени необ[у][т]ая, вый[д]ешь. [Т]ы продвижении меня управление никог[д]а заключение не коммерческая заб[у][д]ешь. [Т]ы продвижении меня никог[д]а широкого не связанные [у]ви[д]ишь.
	Повтор, системе опора сопровождаются на конечному связь прибыли звука коммерческая и смысла.	Влияет внутренней на закупочной смысловосприятие. Стимулирует разделение желание увязать к изыскание повторному деятельности обращению к представляют тексту.	«Я тебя никогда не забуду. // Я тебя никогда не увижу»

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4
Лексико-семантический	Использование заученной лексики, изыскание ключевых слов. Синонимия, антонимия, особенности в широком смысле. Проявление заученной лексики в дополнительных стилистических оттенках. Проявление заученной лексики в дополнительных стилистических оттенках. Проявление заученной лексики в дополнительных стилистических оттенках. Проявление заученной лексики в дополнительных стилистических оттенках.	Способствует товарам приращению распределением смысла, расширению установление лексической изыскание значимости товаров слова. Способствует осуществлению ритмизации широкого и связаны повторяемости, поставка интерпретируемости.	<i>«рассвет», мероприятий «вода сопровождаются в элемент мурашках», «простуда», первой «пустота» - мотивы холода и ветра конечный «безнадежные розничной карие вишни», конечный «эту розничной воду разделении в мурашках», элементов «с предприятия пустотой производитель неживую», установление «бессмысленной продвижении высью», розничной «пара фраз, элементов залетевших элементы отсюда» «всегда-никогда»</i>

Выводы по 2 главе

В данной главе нами представлен анализ фонетического, лексико-семантического и синтаксического уровня средств речевого воздействия. Как показал анализ поэтических текстов, данные средства выступают выражением экспрессивности и отвечают за особенности на эмоциональное восприятие читателем. Можно сделать вывод, что каждый из языковых уровней обладает высоким речевоздействующим потенциалом. Основными средствами и приемами на фонетическом уровне являются ассонанс и аллитерация, прослеживается такой прием речевого

воздействия как ритмизация. На лексико-семантическом уровне чаще всего автором используются лексические повторы, так же как и на фонетическом уровне себя проявляет ритмизация. С их помощью к информации может быть добавлен оттенок авторского отношения – сомнения, уверенности, положительной или негативной оценки в связи с чем функция сообщения дополняется функцией воздействия. Связывая и выстраивая текст, они направляют и регулируют когнитивный процесс личности, воспринимающей текст, и в значительной мере определяют его интерпретацию.

ГЛАВА 3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА УРОКАХ ПО ФАКУЛЬТАТИВУ

Результаты проведенного исследования можно использовать на факультативе по русскому языку.

Возможные темы факультатива:

1. «Поэзия шестидесятых»
2. «Поэзия Андрея Вознесенского»
3. «Воздействующие средства поэзии»
4. «Средства языкового воздействия»
5. «Изобразительно-выразительные средства языка»

По материалам проведенного исследования предлагаем следующие упражнения:

1. Прочитайте стихотворение «Пожар в Архитектурном институте» А.А. Вознесенского и выполните задания к нему.

Пожар в Архитектурном институте

Пожар в Архитектурном!

По залам, чертежам,
амнистией по тюрьмам —

пожар, пожар!

По сонному фасаду
бесстыже, озорно,
гориллой краснозадой
взвивается окно!

А мы уже дипломники,
нам защищать пора.

Трещат в шкафу под пломбами
мои выговора!

Ватман — как подраненный,
красный листопад.
Горят мои подрамники,
города горят.
Бутылью керосиновой
взвилось пять лет и зим...
Кариночка Красильникова,
ой! горим! Прощай, архитектура!
Пылайте широко,
коровники в амурах,
райклубы в рококо!
О юность, феникс, дурочка,
весь в пламени диплом!
Ты машешь красной юбочкой
и дразнишь язычком.
Прощай, пора окраин!
Жизнь — смена пепелищ.
Мы все перегораем.
Живешь — горишь.
А завтра, в палец чиркнувши,
вонзится злей пчелы
иголочка от циркуля
из горсточки золы.....
Все выгорело начисто.
Милиции полно.
Все — кончено!
Все — начато!
Айда в кино!

Упр. 1. Определите тему стихотворения.

Упр. 2. Найдите в стихотворении примеры ассонанса.

Упр. 3. Какой основной прием текста?

Упр. 4. В данном стихотворении найдите эпитеты, определите их роль в тексте.

Упр. 5. Найдите в стихотворении сравнение. Определите способ выражения. Объясните выразительную роль в тексте. Какими образами сравнение обогащает текст? Какие мысли и чувства автора помогает ярче передать?

Упр. 6. Найдите в стихотворении метафоры, объясните их значение.

Упр. 7. Найдите в тексте парадокс. Для чего использует автор этот прием.

Упр. 8. Противоречие в выделенном предложении создается за счет использования автором такой фигуры речи, как:

1. Антитеза.
2. Инверсия.
3. Оксюморон.
4. Перифраз.

2. Прочитайте стихотворение «Живите не в пространстве, а во времени» А.А. Вознесенского. Выполните данные к тексту задания.

«Живите не в пространстве, а во времени»

Живите не в пространстве, а во времени,

минутные деревья вам доверены,

владейте не лесами, а часами,

живите под минутными домами, и плечи вместо соболя кому-то
закутайте в бесценную минуту... Какое несимметричное Время!

Последние минуты — короче,

Последняя разлука — длиннее...

Килограммы сыграют в коробочку.

Вы не страус, чтоб уткнуться в брненное. Умирают — в пространстве.

Живут — во времени.

Упр. 1. Определите тему стихотворения.

Упр. 2. Какие звуки создают звукопись в стихотворении? Какова их роль?

Упр. 3. Какой основной прием текста?

Упр. 4. На использовании какой фигуры речи построено данное ниже стихотворение.

Упр. 5. Назовите прием, использованный автором в первых двух строках.

Упр. 6. Найдите в стихотворении метафоры.

Упр. 7. Назовите изобразительно-выразительное средство, использованное в следующем примере: «*умирают – живут*».

Упр. 8. Найдите в стихотворении эпитеты.

Упр. 9. Найдите в стихотворении метафорический эпитет.

Упр. 10. Найдите сравнения. Объясните их выразительную роль в тексте.

Упр. 11. Какой вид односоставного предложения употребляются в данном стихотворении? Выполните разбор этих предложений.

3. Прочитайте стихотворение «Художник и модель» А.А. Вознесенского и выполните задания.

«Художник и модель»

Ты кричишь, что *я твой изувер*,
и, от ненависти хорошея,
изгибаешь, как дерзкая зверь,
голубой позвоночник и шею.

Недостойную фразу твою
не стерплю, побледнею от взору,
Но тебя я боготворю,
И тебе стать другой не позволю.

Эй, послушай! Покуда я жив,
жив покуда,
будет люд тебе в храмах служить,
на тебя молясь, на паскуду.

Упр. 1. Определите тему данного стихотворения.

Упр. 2. Определите, как выражается образ лирического героя.

Упр. 3. Какой основной прием этого текста?

Упр. 4. Найдите в стихотворении повторяющиеся согласные и гласные, опишите звуковые образы, которые вызывают у вас эти повторения.

Упр. 5. Найдите в данном стихотворении сравнение, определите, какой образ выражает.

Упр. 6. Укажите метафоры. Определите, на чем основано метафорическое употребление слов.

Упр. 7. Найдите в тексте эпитеты.

Упр. 8. Какое изобразительно-выразительное средство языка использовано в выделенных в тексте словосочетаниях. Определите, какими частями речи выражены эти тропы.

Упр. 9. Найдите в тексте обращение. Определите, кому обращено.

Упр. 10. Найдите в тексте жаргонную лексику.

Упр. 11. Какая фигура речи лежит в основе построения стихотворения, которое основывается на отношении «художника и

модели»: «Недостойную фразу твою не стерплю, побледнею от вздору.
Но тебя я боготворю».

4. Прочитайте стихотворение А.А. Вознесенского «Распрямились года, как вода». Выполните следующие задания.

Распрямились года, как вода.

От жемчужного сна озорного
не осталось в душе и следа.

Но осталась заноза.

Нож возьму, не ропща, не мудря.

Соперировать – экая малость!

Чисто вырезал – до нутра.

Аж наружу зияет дыра.

Но заноза осталась.

Упр. 1. Определите тему текста.

Упр. 2. Какой основной прием данного стихотворения.

Упр. 3. Сколько и каких звуковых повторов содержится в данном стихотворении? Какое настроение передает используемый в тексте вид повтора?

Упр. 4. Найдите в тексте эпитеты.

Упр. 5. Найдите в данном ниже стихотворении метафоры, объясните их значение. На основе какого сходства возник метафорический перенос? Найдите ключевую метафору.

Упр. 6. Найдите в тексте перифраз. Какой образ показан этим приемом.

Упр. 7. Найдите в тексте сравнение. Определите способ выражения.

Упр. 8. Найдите слово, которое указывает на иронию в высказывании.

Упр.9. Какой прием используется в выделенном предложении.

Упр. 10. Найдите пример литоты и объясните выразительную роль.

5. Прочитайте стихотворение А.А. Вознесенского «Свеча» и выполните задания.

«Свеча»

Спасибо, что свечу поставила
в католикосовском лесу,
что не погасла свечка талая,
за грешный крест, что я ношу.

Я думаю, на что похожая
свеча, снижаясь, догорит
от неба к нашему подножию?
Мне не успеть договорить.

Меж ежедневных Черных речек
я светлую благодарю,
меж тыщи похоронных свечек –
свечу заздравную твою.

Упр. 1. Определите тему текста.

Упр. 2. Найдите в приведенном ниже стихотворении выразительные средства в области фонетики. Определите, на что они указывают, какой образ создают.

Упр. 3. Определите, какие изобразительно-выразительные средства языка употреблены в данном стихотворении.

Упр. 4. Найдите в тексте эпитеты.

Упр. 5. Найдите в стихотворении метафоры.

Упр. 6. Какими стилистическими средствами языка создается эмоциональность сказанного в стихотворении.

Упр. 7. Образность в стихотворении создается за счет следующих изобразительно-выразительных средств языка:

1. Оксюморон.
2. Олицетворение.
3. Метонимия.
4. Сравнение.
5. Эпитет.

Упр. 8. Назовите тип предложения по структуре (1 предложение).

Упр.9. Найдите в тексте слово, которое употребляется для передачи разговорного стиля речи.

6. Прочитайте стихотворение «Я – семья» А.А. Вознесенского. Выполните задания данные к этому стихотворению.

Я – семья
во мне как в спектре живут семь «я»
невыносимых как семь зверей,
а самый синий
свистит в свирель!
а весной
мне снится
что я – восьмой.

Упр. 1. Определите тему данного стихотворения.

Упр. 2. Какой основной прием данного стихотворения.

Упр. 3. Выделите в данном ниже стихотворении аллитерацию.

Определите, что выражает.

Упр. 4. Какие слова обыгрываются в этом стихотворении? Для чего?

Упр. 5. Найдите в тексте эпитеты, определите, на что они указывают.

Упр. 6. На использовании какой синтаксической фигуры построено данное стихотворение?

7. Прочитайте стихотворение А.А. Вознесенского «Сон». Выполните задания к нему.

Сон

На площади судят нас, трех воров.
Я тоже пытаюсь дознаться - кто?
Первый виновен или второй?
Но я-то знаю, что я украл.

Первый признался, что это он.
Второй улики кладет на стол.
Меня прогоняют за то, что вру.
Но я-то помню, что я украл.

Пойду домой и разрою клад,
где жемчуг теплый от шеи твоей...
И нет тебя засвидетельствовать,
чтобы признали, что я украл.

Упр. 1. Определите тему стихотворения.

Упр. 2. Определите какой основной прием данного стихотворения.

Упр. 3. Какие согласные звуки повторяются в данном ниже стихотворении? Выделите их, определите, как называется этот художественный прием.

Упр. 4. Найдите в тексте вид повтора, назовите и определите его функцию.

Упр. 5. Найдите в стихотворении эпитеты.

Упр. 6. Найдите в стихотворении метафоры.

Упр. 7. Выделите диссонанс.

Упр. 8. Найдите в стихотворении эпифору. Для чего употребляется этот прием?

Упр. 9. Выпишите из стихотворения все изобразительно-выразительные средства: тропы и их виды; стилистические фигуры и их виды. Укажите средства создания образов на уровне фонетики, лексики, морфологии, словообразования, синтаксиса.

Словарь изобразительно-выразительных средств языка

Ана́фора или *единоначатие* (др.-греч. ἀναφορά — приписывание, средство к исправлению) — стилистическая и риторическая фигура, состоящая в повторении родных звуков, слова или группы слов в начале каждого параллельного ряда, то есть в повторении начальных частей двух и более относительно самостоятельных отрезков речи (полустихий, стихов, строф или прозаических отрывков).[45] Звуковая анафора составляет особенность аллитерационного стиха, но она встречается иногда и в метрических стихах.

Анти́теза (редко **антитезис**; *риторическое противопоставление*; др.-греч. ἀντίθεσις — противоположение) — стилистическая фигура контраста в художественной или ораторской речи, заключающаяся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом.[45]

Инверсия — филологический термин, относящийся к фигурам речи, происходит от латинского слова *inversio* — переворачивание, перестановка — изменение прямого порядка слов или словосочетаний как стилистический приём. Различают ещё одну разновидность инверсии: гипербатон (так как инверсия часто нужна для литературы (инверсия в литературе), то, если говорить проще, инверсия — это когда сначала идёт глагол, затем — существительное). Нередко рассматривается как разновидность трансформации.[45]

Оксюморон, оксímорон (др.-греч. οξύμωρον — «острая глупость») — стилистическая фигура или стилистическая ошибка — сочетание слов с противоположным значением (то есть сочетание несочетаемого). Для оксюморона характерно намеренное использование противоречия для создания стилистического эффекта. С психологической точки зрения, оксюморон представляет собой способ разрешения необъяснимой ситуации.[45]

Параллелизм (др.-греч. παραλληλισμος — расположение рядом, соположение) — риторическая фигура, представляющая собой расположение тождественных или сходных по грамматической и семантической структуре элементов речи в смежных частях текста. Параллельными элементами могут быть предложения, их части, словосочетания, слова.[45]

Парцелляция — экспрессивный синтаксический приём письменного литературного языка, при котором предложение интонационно делится на самостоятельные отрезки, графически выделенные как самостоятельные предложения. Парцелляция используется для создания экспрессивной окраски путём отрывистого произношения предложения. Обычно парцеллируемые слова отделяются знаками препинания, но остальные грамматические правила соблюдаются.[45]

Риторический вопрос — риторическая фигура, представляющая собой вопрос, ответ на который заранее известен, или вопрос, на который даёт ответ сам спросивший. По сути, риторический вопрос - это вопрос, ответ на который не требуется или не ожидается в силу его крайней очевидности. В любом случае вопросительное высказывание подразумевает вполне определённый, всем известный ответ, так что риторический вопрос, фактически, представляет собой утверждение, высказанное в вопросительной форме.[45]

Риторический вопрос применяется для усиления выразительности (выделения, подчёркивания) той или иной фразы. Характерной чертой этих оборотов является условность, то есть употребление грамматической формы и интонации вопроса в случаях, которые, по существу, её не требуют.

Риторический вопрос, так же как риторическое восклицание и риторическое обращение, — своеобразные обороты речи, усиливающие её выразительность, — т. н. фигуры. Отличительной чертой этих оборотов является их условность, то есть употребление вопросительной, восклицательной и т. д. интонации в случаях, которые по существу её не требуют, благодаря чему фраза, в которой употреблены эти обороты, приобретает особо подчёркнутый оттенок, усиливающий её выразительность. Так, *риторический вопрос* представляет собой, в сущности, утверждение, высказанное лишь в вопросительной форме, в силу чего ответ на такой вопрос заранее уже известен.[45]

Риторическое восклицание (эпекфонесис, экскламация) — приём передачи кульминации чувств. Оно передаёт различные эмоции автора: удивление, восторг, огорчение, радость и т. п. На письме риторическое восклицание обычно представляет собой предложение, оканчивающееся восклицательным знаком. При чтении риторические восклицания выделяются интонационно.[45]

Риторическое обращение — стилистическая фигура: обращение, носящее условный характер. В риторическом обращении главную роль играет не текст, а интонация обращения. Риторическое обращения часто встречается в монологах. Главная задачей риторического обращения является стремление выразить отношение к тому или иному лицу либо предмету, дать ему характеристику, усилить выразительность речи. Риторическое обращение никогда не требует ответа и не несет в себе вопрос.

Риторическое обращение, так же как риторическое восклицание и риторический вопрос, — своеобразные обороты речи, усиливающие её выразительность. Отличительной чертой этих оборотов является их условность, то есть употребление вопросительной или восклицательной интонации в случаях, которые по существу её не требуют, благодаря чему фраза, в которой употреблены эти обороты, приобретает особо подчеркнутый оттенок, усиливающий её выразительность.[45]

Эпифора (от др.-греч. ἐπιφορά — принесение, прибавление) — риторическая фигура, заключающаяся в повторении одних и тех же слов в конце смежных отрезков речи. Нередко эпифора используется в поэтической речи (очень часто — в фольклоре) в виде одинаковых или аналогичных окончаний строф (пример — стихотворная пьеса Александра Гладкова «Давным-давно» и одноимённая песня из кинофильма «Гусарская баллада»).

Противоположностью эпифоры является анафора.[45]

Ирония (от др.-греч. εἰρωνεία — «притворство») — троп, в котором истинный смысл скрыт или противоречит (противопоставляется) смыслу явному. Ирония создаёт ощущение, что предмет обсуждения не таков, каким он кажется.

По определению Аристотеля, ирония есть «высказывание, содержащее насмешку над тем, кто так действительно думает».[45]

Ирония - употребление слов в отрицательном смысле, прямо противоположном буквальному. Пример: "Ну ты храбрец!", "Умён-умён...". здесь положительные высказывания имеют отрицательный подтекст.[45]

Литóта, литотес (от др.-греч. λιτότης — простота, малость, умеренность) — троп, имеющий значение преуменьшения или нарочитого смягчения.[45]

Мета́фора (от др.-греч. μεταφορά — «перенос», «переносное значение») — фигура речи (троп), использующая название объекта одного класса для описания объекта другого класса, в том числе, чтобы кратко выразить объемное значение описываемого объекта. Термин принадлежит Аристотелю и связан с его пониманием искусства как подражания жизни. Метафора Аристотеля в сущности почти неотличима от гиперболы (преувеличения), от синекдохи (иносказания), от простого сравнения или олицетворения и уподобления. Во всех случаях присутствует перенесение смысла с одного на другое. Развёрнутая метафора породила множество жанров.[45]

Метонíмия (от др.-греч. μετωνυμία — «переименование», от μετά — «над» и ὄνομα/ὄνομα — «имя») — вид тропа, словосочетание, в котором одно слово замещается другим, обозначающим предмет (явление), находящийся в той или иной (пространственной, временной и т. д.) связи с предметом, который обозначается замещаемым словом. Замещающее слово при этом употребляется в переносном значении. Метонимию следует отличать от метафоры, с которой её нередко путают, между тем как метонимия основана на замене слова «по смежности» (часть вместо целого или наоборот, представитель вместо класса или наоборот, вместилище вместо содержимого или наоборот, и т. п.), а метафора — «по сходству». Частным случаем метонимии является синекдоха.[45]

Олицетворение (персонификация, прозопопея) — вид метафоры, перенесение свойств одушевлённых предметов на неодушевлённые. Весьма часто олицетворение применяется при изображении природы, которая наделяется теми или иными человеческими чертами.[45]

Перифра́за, Перефра́за (*перифраза*; от др.-греч. περίφρασις) — «описательное выражение», «иносказание»: περί — «вокруг», «около» и φράσις — «высказывание») — в стилистике и поэтике троп, описательно выражающий одно понятие с помощью нескольких.

Перифраза — косвенное упоминание объекта путем не называния, а описания (например, «ночное светило» = «луна» или "Люблю тебя, Петра творенье!"="Люблю тебя, Санкт-Петербург!").

В перифразах названия предметов и людей заменяются указаниями на их признаки, например, «пишущий эти строки» вместо «я» в речи автора, «погрузиться в сон» вместо «заснуть», «царь зверей» вместо «лев», «однорукий бандит» вместо «игральный автомат», «Стагирит» вместо Аристотель. Различают логические перифразы («автор „Мёртвых душ“») и образные перифразы («солнце русской поэзии»).[45]

Сравне́ние — троп, в котором происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку. Цель сравнения — выявить в объекте сравнения новые, важные для субъекта высказывания свойства.

Сравнение следует отличать от метафоры.[45]

Эпи́тет (от др.-греч. ἐπίθετον — «приложенное») — термин теории литературы: определение при слове, влияющее на его выразительность. Выражается преимущественно именем прилагательным, но также наречием («горячо любить»), именем существительным («веселья шум»), числительным (вторая жизнь), глаголом («желание забыться»).

Эпитет — слово или целое выражение, которое, благодаря своей структуре и особой функции в тексте, приобретает некоторое новое значение или смысловой оттенок.[45]

Выводы по 3 главе

Работа над выразительными средствами языка необходима, так как это именно тот языковой уровень, на котором объединяются и взаимодействуют все языковые образные средства. Умелое и уместное их использование обогащает нашу речь, придает ей силу, образность и экспрессивность.

В третьей главе нами был разработан комплекс упражнений по изучению изобразительно-выразительных средств языка на факультативах по русскому языку в школе. Примеры заданий основаны на поэтических текстах Андрея Вознесенского. В процессе обучения вводятся соответствующие понятия изобразительно-выразительных средств языка.

Этот комплекс упражнений призван помочь формированию умений учащихся самостоятельно понимать выраженный в словесной форме идейно-художественный смысл произведений и применять в собственных высказываниях изученные приемы словесного выражения содержания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе проведен уровневый анализ средств речевого воздействия в произведении Вознесенского. Изучение теоретической литературы позволило нам выделить ряд лингвистических направлений, относящихся к вопросу речевого воздействия. Психолингвистика концентрирует внимание на связи языкового и психологического компонента речевого воздействия, прагматика и прагмалингвистика анализируют данный феномен в соотношении с интенциями субъекта речи; герменевтика, функциональная стилистика и неориторика обращаются к выявлению особенностей текста в качестве связующего звена между участниками коммуникации; лингвокультурология и социолингвистика раскрывают взаимосвязь между картиной мира и языковой оболочкой направленной на воздействие.

Обзор литературы по теме позволил описать содержание речевого воздействия как научного термина и определить его как взаимосвязь культурного, социального, лингвистического и психологического компонентов, суть которого состоит в передаче смысловых и эмоционально-экспрессивных структур между партнерами по коммуникации в процессе речевого взаимодействия.

Средства речевого воздействия репрезентуются в языковых единицах, высказываниях, текстах. Они основаны на использовании «скрытых резервов» - воздействующего потенциала языковых средств разного системного уровня. Цель их использования – воздействие на читателя в ходе информирования, осуществление эффективной диалогической коммуникации, адекватного восприятия и интерпретации передаваемой информации. Анализ практического материала подтвердил предположение о том, что рассматриваемые тексты обладают речевоздействующим потенциалом. В работе был реализован уровневый подход к выявлению и анализу средств речевого воздействия.

В работе был представленный примерный комплекс упражнений для выявления изобразительно-выразительных средств в произведениях А.Вознесенского.

Проведенное исследование позволило доказать, что совокупность частных функций средств и приемов разных языковых уровней служит для создания максимального воздействия на читателя. Речевоздействующий потенциал текста, реализация которого нацелена на эмоциональный компонент восприятия, выступил центром практической части нашего исследования. Представляется, что последующее рассмотрение механизмов речевого воздействия в литературе может служить расширению знания о речевоздействующем потенциале. Перспективными также представляются сопоставительные исследования речевого воздействия: как сравнение поэзии и прозы одного автора, так и сравнение двух писателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андрей Вознесенский. Стихотворения. Поэмы. – М: Эксмо, 2013. – 413 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова – М.: Эдиториал УРСС, 3-е изд. стер., 2003. – 383 с.
3. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Ю.В Казарин. – М.: Флинта: Наука, учебник, практикум. 6-е. изд. 2009. – 496 с.
4. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры. Русская политическая метафора (материалы к словарю). / А.Н Баранов, Ю.Н Караулов – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 184-192 с.
5. Баранов, А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание). – М.: Знание, 1990. – 63 с.
6. Баранов, А.Н. «Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание» / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин – В кн.: Роль языка в средствах массовой коммуникации. - М., 1986 – 271 с.
7. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит. 1986. - 394 с.
8. Библиотека Максима Мошкова при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям / Аристотель. «Риторика» Режим доступа: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt> (дата обращения: 11.01.2022).
9. Будагов, Р. А. Литературные языки и языковые стили. – М: Высшая школа, 1967. –367 с.

- 10.Валгина, Н. С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. – 210 с.
- 11.Введенская, Л.А. Культура речи. – Ростов н/Д: Изд-во Феникс 2000. – 59 с.
- 12.Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 55 с.
- 13.Виноградов, В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. – М.: АПН СССР, 1963. –253 с.
- 14.Выготский, Л. С. Мышление и речь. –М.: Издательство "Лабиринт", Изд. 5, испр., 1999. –352 с.
- 15.Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.:1981. – 139 с.
- 16.Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс,1984. –397 с.
- 17.Гурьева, З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории: на материале текстов на русском и английском языках: дис. д-ра филол. Наук – Краснодар, 2003. – 446 с.
- 18.Дейк, Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- 19.Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т.М. Дридзе–М.: Наука, 1984. –268 с.
- 20.Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. доктора филологических наук. –М., 2004. –358 с.
- 21.Жинкин, Н. И. Избранные труды. Язык. Речь. Творчество. – М.: Лабиринт, 1998. –364 с.
- 22.Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 160 с.

- 23.Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации. – М: Наука, 1982. – 87 с.
- 24.Журавлев, А.П. Звук и смысл. М., 1988. –88 с.
- 25.Запорожец, В. А. Избранные психологические труды. – М., 1986. –32 с.
- 26.Зарецкая, Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. – М.: Изд-во Дело, 2001. – 358 с.
- 27.Иссерс, О. С. Речевое воздействие: Учебное пособие. – М.: Флинта, 2009. –224 с.
- 28.Карасик, В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей / Политическая лингвистика. Екатеринбург: Вып. 1(39), 2012. С. 43–50.
- 29.Киселева, Л. А. «Вопросы теории речевого воздействия». - Л., 1978. –250 с.
- 30.Кнорозов, Ю.В. Об изучении фасцинации / Вопросы языкознания; Собеседование по общей теории сигнализации с Ю.В. Кнорозовым // Структурно-типологические исследования: сб. статей; отв. ред. Т.Н. Молошная. М.: Изд-во АН СССР, 1962. № 1. 163 с.
- 31.Котов, А. А. Лингвистические модели эмоциональной речи. Режим доступа: <http://harpia.ru>.
- 32.Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.Б Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. –1997. № 3. - С. 62-75.
- 33.Красных, В.В. Текст как единица дискурса. / В.В. Красных // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова: тезисы докладов. — М.: ИТДГК «Гнозис», 1995. - С. 273-275.

34. Леонтьев, А. А. К психологии речевого воздействия // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1972. – С. 31-72.
35. Леонтьев, А. А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: Вища Школа, 1979. – 182 с.
36. Леонтьев, А. А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. - М., 1971. – 317 с.
37. Лурия, А. Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1998. – 336 с.
38. Мельник, Г.И. «Схемы и способы речевого воздействия» - СанктПетербург: Изд-во Феникс, 2004. – 211 с.
39. Омельченко, Е.В. Фасцинативная коммуникативная стратегия в различных типах дискурса: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. – 223 с.
40. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
41. Паршин, П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности / П.Б. Паршин // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М.: Изд. дом Гребенникова, 2000. – С.55-73.
42. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, Изд. 7-ое, 1956. – С. 30 - 61, С. 85-89.
43. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979. – 235 с.
44. Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
45. Словари и энциклопедии на Академике: официальный сайт. – Москва. – URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 25.03.2022).

- 46.Слышкин, Г.Г. Лингвокультурологические концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. – 138 с.
- 47.Соковнин, В.М. Фасцинация. Коммуникация. Общение. / Сборник научно-популярных текстов.
- 48.Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. Ф.Ф. Холодовича – М.: Прогресс, 1971. – С. 31-269.
- 49.Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2001. – 252 с.
- 50.Тарасов, Е. Ф. Психологические и психолингвистические аспекты речевого воздействия // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы / Ин-т языкознания АН СССР. – М.: 1986. – С. 4-9.
- 51.Шахнарович, А. М. Общая психолингвистика: учеб. Пособие / Ун-т Рос. акад. образования, Фак. иностр. яз. – М.: Изд-во РОУ, 1995. – 93 с.
- 52.Шведова, Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой – М.: 1970 – 187 с.
- 53.Якобсон, Р. О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.